

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

ПО ЛЕЗВИЮ
ДЕНЕГ

Сергей Павлович Бакшеев

По лезвию денег

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50923421

Аннотация

Привычная жизнь банковского служащего Серова в одночасье рушится. Он узнает о неизлечимой болезни, теряет работу, а для спасения дочери нужна дорогостоящая операция. И Серов превращается в таинственного Доктора. Его цель – заработать большие деньги и наказать своих врагов. Он изобретает фальшивки для банкоматов, организует их рискованный сбыт, противостоит преступникам, водит за нос следствие. Но там, где большие деньги – всегда большие проблемы. Справится ли с ними Доктор?

Содержание

Пролог	4
1	7
2	16
3	27
4	36
5	45
6	52
7	59
8	70
9	77
10	83
11	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Сергей Павлович Бакшеев

По лезвию денег

Пролог

Мною движет единственная цель – мне нужны деньги. А кому они не нужны – усмехнетесь вы. Это так, но у меня особая ситуация. Мне нужно много денег, и у меня нет времени, чтобы заработать их честно. Я рассчитал точную сумму – более ста миллионов рублей. Даже самая высокооплачиваемая работа, соответствующая моему интеллекту, будет приближать меня к заветной цели черепашьями шагами. А я не могу ждать. Причина проста – в любой момент я могу загнуться и сдохнуть.

Да, черт возьми, мне суждено умереть раньше, чем вам! И эту ужасную реальность никак не исправить. Ни вы, ни я, никто другой на огромной планете не в силах мне помочь.

Ну и пусть. Только смирившись с неизбежным уходом, я осознал, насколько стал сильнее. Да, вы не ослышались. Мне нечего терять, я ничего не боюсь, все худшее в моей жизни уже случилось, поэтому я готов рисковать, рисковать по-крупному, поставить на кон свою жизнь, чтобы сорвать куш.

Только не подумайте, что я убийца или бандит. Нет, я действую без оружия. У меня есть четкий план, как добыть день-

ги. Незнающие люди сочтут его фантастическим или безумным, но план работает.

Доказательство – тяжелая сумка в моей руке. Она набита банкнотами, которые я... Какое бы слово подобрать, поточнее. Украл? Нет, это не совсем так. Добыл? Чуть ближе к истине, но все равно не отражает сути моей деятельности. Заслужил? Да, конечно! Мне сорок лет и минимум тридцать из них я учился, трудился, развивал свои мозги, чтобы в критический момент они подсказали мне верный путь. Сумка с деньгами – это вознаграждение за долгие годы серых будней.

Серые... Это безликое слово преследует меня всю жизнь. Дело в том, что мое имя – Юрий Серов, и, разумеется, школьные приятели называли меня Серым. Серый – ни то, ни се, ни черный, ни белый, другими словами, посредственный.

И вот я доказал, прежде всего себе, что они ошибались. Сейчас в моих руках большая сумма денег. Как же приятна их тяжесть. Теперь я не Серый, я – Доктор. Под этим именем я известен подельникам и клиентам, о нем слышали и в полиции, но до сих пор не знают, кто за ним скрывается. Я почти победил. Правда, скользкое «почти», как петля на моей шее.

Дело в том, что сумма в моих руках хоть и большая, но недостаточная. Я еще не довел свой план до конца и вынужден рисковать дальше. Наша игра в кошки-мышки продолжается. Я уверен, что перехитрю полицию, однако не до-

гадываюсь, что сейчас за подкладкой моего пиджака «маячок», по которому меня отслеживают.

В любой момент это может стать катастрофой.

Вы хотите знать подробности? Надеюсь вы не из полиции. А, впрочем, когда там прочтут эти записи, меня, скорее всего, уже не станет.

Ваша жизнь идет по накатанной колее, и вы полагаете, что так будет всегда? Вы знаете, что будет завтра, через неделю? За полгода планируете свой отдых? Наивные. Я тоже так жил, пока в один обычный день злой рок не дал мне подсечку. Бац – и я на лопатках!

Больно. Так больно, что жить не хочется. Но я не могу оставить в беде своих близких. Поднявшись после удара судьбы, я оказался в другой реальности, и мне пришлось кардинально измениться, чтобы впредь устоять на ногах.

1

Въезд на территорию больницы перегораживал шлагбаум. Я бросил машину где придется и, шлепая по лужам, побежал прямо к приемному отделению. За спиной осталась майская предрассветная улица, пахнувшая цветущей сиренью, а за порогом меня ждал стремящийся к стерильности мир с негаснущим белым светом и усиливающим тревогу стойким запахом моющих средств. От специфического духа при посещении больницы у меня всегда портилось настроение, что уж говорить про этот визит. Я порвал два комочка бахил, которые никак не хотели расправляться, прежде чем нацепил их на мокрые туфли.

Существо в белом халате – я не заметил ни пола, ни возраста – провело меня к двери кабинета на втором этаже. Там меня встретил уставший взгляд немолодого лысеющего грузина. Врач сидел за столом и был одет в хирургический костюм с коротким рукавом и треугольным вырезом на груди, где из-под белой футболки протискивались черные волосы. Эти нелепые завитушки, похожие на проволоочки, выглядели совершенно неуместно в лечебном заведении.

Пока я восстанавливал дыхание, хирург изучал меня сквозь стекла очков в стальной оправе. Наконец, густая щеточка его усов, ограниченных уголками губ, пошевелилась, хозяин кабинета представился:

– Давид Гелашвили, хирург. – Жестом руки он предложил мне сесть, а затем уточнил: – Вы отец?

– Серов Юрий Андреевич, – торопливо ответил я и даже потянулся за паспортом, но понял, что это лишнее. Меня терзала неизвестность. – Что с Юлей?

– Мы вытащили ее, но состояние девушки по-прежнему тяжелое. – Хирург умолк, сложив перед собой сильные волосатые руки, на которых просматривался рисунок вен.

– Да не молчите вы! – Я подпрыгнул на стуле. – Что значит «тяжелое»?

Хирург не спешил. Он перебрал какие-то бумаги, сунул их в стол, снял очки, помассировал уставшие глаза.

– Сколько лет вашей дочери? – спросил он, не поднимая взгляда.

– Восемнадцать.

– Несчастливая любовь?

– О чем вы?

Врач тяжело вздохнул и водрузил очки на нос. Поколебавшись, он объяснил:

– Ваша дочь выпила уксусную эссенцию. В результате – химическое повреждение желудочно-кишечного тракта, острая почечная недостаточность... Крайне болезненный способ самоубийства.

Жуткое слово резануло, как нож по живому. Я затряс головой:

– Нет, Юля не могла. Что вы несете! Это невозможно.

Дочь радовалась жизни, строила планы, на днях ей выпала большая удача. Да она... у нее все только начиналось!

Гелашвили выдернул бумажную салфетку из коробочки, протер ею лоб и невнятно пробормотал:

– Издержки профессии.

– Ну, знаете ли, а это вас не каса... – Я осекся. Не помню, чтобы я упоминал о профессии дочери.

– Касается. К сожалению, чаще, чем хотелось бы. Я – хирург, и постоянно наблюдаю, как обрывается безмятежная жизнь. Человек не видит, не слышит, что рядом пропасть: шаг в сторону – и он в полете. Разобьется или выкарабкается... – Гелашвили изучил скомканную салфетку в руке, словно она символизировала то, во что превращается спокойная жизнь после опрометчивого поступка.

– Нет. Самоубийство исключено, – с обидой в голосе заявил я. – Так даже думать нельзя про нашу Юлю. Она, она... Вы ее совсем не знаете.

– Тогда ей кислоту подлили.

– Кто? За что?

– Я врач, а не следователь. Пострадавшую привезли из ночного клуба «Гонконг» на «скорой». Повезло, что вовремя. Мы успели многое, но внутренние повреждения достаточно серьезные.

– Где Юля? Я хочу ее видеть, – я вскочил на ноги.

– Сейчас нельзя, – жестом остановил меня хирург. – Девушка в реанимации. Она без сознания.

Я медленно опустился на стул.

«В реанимация, без сознания», – неужели эти ужасные слова о моей дочери? Какое, к черту, самоубийство? Еще вчера...

Да что «вчера», буквально сегодня вся наша семья была счастлива. Исполнилась многолетняя мечта – мы сменили тесную квартиру в пятиэтажке на новенький просторный таунхауз. Домик, как с открытки. Фасад из красного кирпича, словно перекочевал в Подмоскovie из старой Англии. Перед входом лужайка и место для двух автомобилей, внутри два этажа с отделкой и дополнительный мансардный этаж. И это чудо недалеко от Москвы: пятнадцать минут по Новорижскому шоссе. Живи и радуйся!

Всего несколько часов назад, вечером, моя беременная жена Катя расхаживала в новом доме среди неразобранных вещей, сияла улыбкой и строила планы:

– Здесь будет детская, рядом с нашей спальней. Комната Юли подальше, чтобы не беспокоила малыша. Ой, еще столько надо купить, и мансарда не доделана. Хорошо, что кухню обставили и в гостиной есть диван, можно друзей пригласить. – Жена сложила руки на круглом животе и посмотрела на меня: – Юра, мы справимся?

– Конечно, я все рассчитал, – поспешил заверить я и бережно обнял жену сзади.

Мои ладони легли поверх ее рук, щека коснулась пышных каштановых локонов, взгляд опустился в треугольный

вырез халата на округлившуюся грудь – и мне стало так хорошо. Поздняя незапланированная беременность возродила нежность в наших отношениях, размеренная жизнь приобрела новый смысл, появилось желание все поменять. Мы оба словно помолодели.

Рождение малыша – настолько сильный мотив, что за полгода я решил проблему с новым жильем и, помимо этого, настоял, чтобы Катя ездила на самом безопасном автомобиле. Пришлось взять еще один кредит, чтобы купить ей новенький «вольво».

Тогда на кухне я вдохнул родной женский запах, в котором преобладало пьянящее умиротворение, коснулся губами ее щеки и прошептал:

– Ты у меня такая, такая...

– Давай без этого, – вырвалась она из объятий. – Как ты не можешь понять, что я волнуюсь.

– Нет никаких причин для беспокойства. Ипотека на двадцать лет, проценты умеренные. На выплаты уйдет только треть моей зарплаты – нынешней, а со временем я буду получать больше. Нам хватит.

– Двадцать лет, – вздохнула Катя. – Нам по шестьдесят стукнет, когда мы расплатимся за дом. А еще кредит на машину.

– Не думай о трудностях, думай ребенке.

– Я ведь долго не смогу работать, а малышу, знаешь, сколько всего понадобится?

– Все у нас будет, я обеспечу. А сейчас... – Я с затаенной гордостью повел рукой, демонстрируя новое жилье. – Сегодня у нас праздник. Отметим?

– Извини, я не успела ничего приготовить.

– Ерунда. Вино и сыр у нас найдутся.

– Мне не до вина. – Катя бережно, с затаенной гордостью, провела ладонью по животу.

У меня всякий раз замирало сердце, когда я видел этот жест. Катя пошла в гостиную. Смотреть на нее сзади было еще приятнее, у нее даже талия сохранилась. Она присела на диван.

– Я устала, отмечать будем послезавтра. Приедут твой брат с Наташей. Мы уже с ней обо всем договорились, она поможет. А праздник сегодня у нашей Юли.

– Где она, кстати? Нарядилась и умотала. Уже поздно, – забеспокоился я о восемнадцатилетней дочери.

– Ты что, забыл? Юлю на обложку «Elite style» утвердили. – Катя улыбнулась, явно гордясь дочкой, так похожей на нее в молодости.

– В этой суматохе голову потеряешь. – Я сдвинул ногой коробку, расширяя проход к дивану.

Честно говоря, я не одобрял упорное стремление дочери стать моделью. Юлька красивая, фотогеничная – этого не отнимешь, но симпатичных девчонок прорва, а успеха достигают единицы. Да и что это за профессия – торговать собственной красотой? Красота эфемерна. Сегодня она есть, а

завтра увянет, или стандарты красоты изменятся. Ненадежно все это.

Вот я закончил факультет вычислительной математики МГУ, хотел стать ученым, но жизнь подтолкнула к более востребованной профессии – разрабатываю программное обеспечение для банков. И наплевать, как я выгляжу, главное, чтобы голова соображала. И На том же факультете училась Катя. Правда, после окончания университета не потянула серьезное программирование, зато стала квалифицированным бухгалтером. У Юли тоже есть способности к математике, но она угробила время и деньги на обучение актерскому мастерству, танцам, косметологии, на создание портфолио. Упорство принесло результат, ее заметили. Но что будет с ней через пять-семь лет? Новое поколение красоток неизбежно вытеснит поблекших моделей.

Я не стерпел и высказал недовольство:

– Ее что, ночью будут снимать?

– Съемки для журнала послезавтра. А сегодня Юля с подружками в клуб поехала. Да не дуйся ты. Дело молодое, есть повод для радости. Успеет еще выспаться, чтобы лицо было свежим.

– Ночной клуб, стилисты, фотографы. Лучше бы она в университет поступила, как мы.

– Не ворчи. – Жена потянула меня за руку, я плюхнулся рядом. Катя прижалась боком, склонила голову на мое плечо, вздохнула. – Кто знает, что лучше, что хуже? В жизни

много разных возможностей. Мы идем планомерно вверх по лесенке...

– А она хочет перескочить через все ступеньки. – Я с сомнением покачал головой.

– А вдруг у нее получится?

Ох, эта женская вера в чудо. В глубине души все они Зо-лушки. Я промолчал, чтобы не затевать спор.

Катя заглянула мне в глаза, смущенно улыбнулась:

– Я спать пойду, с ног валюсь.

– Ложись, конечно, а мне придется...

Я повел рукой, показывая, что продолжу разбор вещей. Жена, как водится, не удержалась от наставлений:

– Коробки с одеждой подними на второй этаж. Те, что с посудой – сложи на кухне. Только не разбирай без меня, ты напутаешь, я завтра сама этим займусь.

Кто бы спорил, так даже проще. Катя ушла. Я перенес коробки, не уставая радоваться простору нового дома. Здесь и третьему ребенку найдется отдельная комната, жаль, что мы припозднились со вторым. Перед сном я выпил вина и заснул с теплым чувством в груди: как же хорошо.

А ночью меня разбудила неприятная вибрации мобильного телефона. Звонок был отключен, на дисплее светился незнакомый номер. Сердце сжалось в дурном предчувствии. Чтобы ответить я покинул спальню. Звонили из больницы, сообщили, что им доставили девушку, по документам Юлию Серову, просили срочно приехать близкого родственника.

У меня подкосились ноги. Несколько минут я сидел оглушенный. Вязкая пустота, словно болото, поглощала все мысли. Убедившись, что разговор мне не приснился, и на клочке упаковочной бумаги моей рукой записан адрес больницы, я оделся и уехал, стараясь не разбудить жену.

И вот я сижу в кабинете хирурга, который только что разъяснил ужасные последствия произошедшего. Сознание отторгает свалившуюся беду, не желая верить. Почему мы? Ведь все плохое случается с кем-то другим, где-то далеко, в телевизоре, в новостях, в интернете, а моя семья защищена от несчастий. За что нам такое?

– Я должен ее увидеть, должен, – заявляю я, с надеждой глядя на хирурга. – А вдруг это не Юля? Вдруг, вы ошиблись?

– Ну хорошо, пойдемте, – подумав, соглашается врач.

В палате реанимации, на специальной кровати с бортиками, под капельницей, с трубками во рту лежит молодая девушка. Я подхожу вплотную, долго всматриваюсь, хотя сердце екнуло сразу. Сомнений нет – это моя единственная дочь Юля. Внешне она не изменилась – все та же красавица, только смертельно бледная. А внутри по словам хирурга...

Я представил себе ужасные последствия воздействия кислоты и меня передернуло. Я отвожу взгляд, делаю шаг назад и сипло спрашиваю Гелашвили:

– Что я могу сделать для нее?

– Сдайте кровь. Это всегда нужно.

Мой старенький «пежо», брошенный посреди лужи, покапризничал и завелся не сразу. Когда двигатель наконец заурчал, я включил обогрев и устало прикрыл глаза. Мне было не по себе, я отключился во время сдачи крови и до сих пор испытывал неприятное головокружение.

Терзающая душевная боль дополнилась новой тревогой: как Катя перенесет известие о том, что с дочерью случилось несчастье? Врачи и так накрутили ее, что поздняя беременность таит много опасностей, просили избегать волнений, а как в этом случае не волноваться? Чем я ее успокою? Постепенно я пришел к мысли, что лучше повременить с правдой, подождать, пока Юля придет в себя.

Поколебавшись, я решил не возвращаться домой, а сразу ехать на работу. Время – почти семь, и по телефону проще утаить страшное, чтобы не встревожить жену.

В «Юпитер-банке» я занимаю должность руководителя отдела информационной безопасности. В мои обязанности входит обеспечение бесперебойного функционирования банкоматов, платежных терминалов, устройств по приему пластиковых карт и электронных денежных переводов. Ключевых сотрудников отдела всего двое – я и молодой амбициозный ведущий инженер Олег Голиков. Мы занимаем отдельный кабинет, где никогда не отключаются полдюжины

компьютеров с большими мониторами.

Олег циничный меркантильный приспособленец, но специалист толковый. Несмотря на разницу в возрасте в двенадцать лет, мы общаемся по-приятельски.

– О, привет! Ты что так рано? – удивился Голиков, застав задумавшегося начальника перед остывшей кружкой чая.

Я не люблю костюмы и галстуки, зимой предпочитаю трикотажную одежду, а летом легкие пиджаки и джинсы. Олег, в отличие от меня, всегда одет с иголочки. Внешний облик он ассоциирует с успехом, поэтому ездит на черном «ягуаре-купе», заказывает престижные итальянские костюмы, дополняя их аксессуарами известных брендов. Правда мало кто догадывается, что автомобиль у него не новый, вместо швейцарских часов китайская копия, а живет он за городом с родителями в тесной старой квартире.

– Я-то не из дома, загулял вчера, одноразовая встреча, а вот ты? – продолжил бесцеремонный расспрос Голиков.

Я мысленно посмотрел на себя глазами лощенного коллеги. Потертый воротничок рубашки-поло, вспотевшие подмышки, забрызганные брюки, понурый вид – типичный неудачник в представлении молодых. Еще вчера я бы и сам смущенно поправлял одежду и протирал обувь, но сегодня после визита в больницу собственный облик в шкале приоритетов уменьшился до размеров песчинки. Меня мучило другое: что сказать Кате?

Я до сих пор не решился позвонить жене. Я взял телефон

и отвернулся от назойливого коллеги. Тянуть с разговором дальше было нельзя.

– Катя, это я, доброе утро, – стараясь говорить бодро, я приветствовал супругу. – Не удивляйся, что уехал не попрощавшись. Не хотел будить. Понимаешь, вызвали на работу пораньше, у нас тут проблемы... Юлия? О ней не беспокойся. Она звонила мне, предупредила, что заночует у подруги... У той, с которой она всегда... Ехать за город было далеко, а та живет рядом с клубом.

– Подруга по имени Арсен? – ехидно подмигнул Олег. – Был я вчера в одном ночном клубе, там такие девочки, вокруг них столько соблазнов и соблазнительей.

– Ладно, Катя, мне некогда. Потом перезвоню. – Я свернул разговор с женой, пока она не раскусила фальшь в моем голосе.

Бесстрастным взглядом я наблюдал привычную церемонию. Голиков водрузил на стол кожаный портфель, снял пиджак, аккуратно повесил его на плечики. Из письменного стола он достал пакет из химчистки со свежей сорочкой. Снял вчерашнюю, переоделся. Узел галстука оставил ослабленным и подтянул манжеты на рукавах ровно настолько, чтобы стали видны «престижные» часы. По рыцарскому кресту на циферблате и такому же лейблу на портфеле знающий ценитель мог определить, что оба аксессуара принадлежат дорогому швейцарскому бренду «Vasheron».

– У нас что-то случилось? Ты упомянул о проблемах, –

спросил Олег, извлекая из портфеля пакет с зелеными яблоками.

Решив бросить курить, он покупал их каждое утро, заменяя сигареты яблоками по совету модного журнала. «Витамины вместо никотина», – шутил он. Ритуалу исполнился почти год, за это время ежедневная порция яблок существенно уменьшилась.

– Это я так, для жены, – отмахнулся я.

– Ушам не верю. Да ты ходок, Юрий Андреевич. Уж не завел ли ты длинноногую модель, как наш босс Радкевич? Его жена вечно отдыхает по заграницам, а он времени даром не теряет – гуляет здесь. Видел, какая у него красotka? Держи.

Олег швырнул мне яблоко. Бросок также являлся частью ритуала, но сегодня я был настолько заторможен, что сплосковал. Я запоздало дернул рукой, яблоко ударилось мне в грудь, шлепнулось под ноги и покатилося по полу.

– Не видел и видеть не хочу, – проворчал я, поднимая яблоко.

– А я бы от такой красотки не отказался. Когда-нибудь отобью ее у босса. – Олег хрустнул сочным плодом, небрежно сидя на краешке стола. Прожевал и мечтательно улыбнулся: – А может, и получше закадрю.

Я не стал поддерживать пустой разговор и постарался сосредоточиться на работе. Бесполезно. Вскоре я убедился, что модернизировать сложную программу сегодня не в состоянии, не позволяла душевная боль, мешавшая сосредото-

ся. Раздражало все: привычное гудение компьютеров, шум кондиционера, скрип кресла и даже битое яблоко, попавшее в поле зрения.

Я переключился на рутинный труд, которым обычно занимался Голиков. Это проверка каналов связи, анализ текущих цифр, поиск сомнительных операций. Я стремился хоть чем-то занять мозг, чтобы вытеснить угнетающие мысли о семейной трагедии. Постепенно технические проблемы отодвинули на задний план остальное. Мне бросилось в глаза явное несоответствие.

Я вслух прокомментировал увиденное на мониторе:

– Какая-то ошибка. В терминалы поступила одна сумма, а на счет зачислена сумма меньше.

– Где? – откликнулся Голиков и подкатил в офисном кресле ко мне. – Ах, это. Никакой ошибки, сейчас подправлю. Подвинься.

– Что ты делаешь? – нахмурился я, наблюдая, как Олег вносит изменения в таблицу банковских транзакций.

– Свою работу. Ввожу скрытый корректирующий коэффициент, согласно распоряжению босса. Вот так. Теперь суммы в отчетах совпадают, и никакая проверка не подкопается.

– Я что-то не понял насчет коэффициента.

Голиков усмехнулся:

– Юрий Андреевич, не будь наивным. Ты думаешь, зачем Радкевичу сеть сомнительных платежных терминалов

«Юпитер-оплата», если у нас имеются официальные банкоматы?

– Расширение бизнеса.

– Правильно. Но какого бизнеса? – Глаза Олега хитро блеснули, он понизил голос: – Через терминалы поступает неучтенная наличка. Босс сам спускает мне нужный процент, и я подгоняю отчетность, чтобы все было чики-пики.

– Почему я не в курсе?

– Потому что ты правильный, а я гибкий, – снисходительно улыбнувшись, выпятил грудь Голиков. – Зачем ты вообще полез не в свою зону ответственности?

Я сжал ладонями голову, вспомнил о дочери и простонал:

– Отстань.

– Перебрал вчера? – посочувствовал Олег. – Выйди, проветришься, выпей крепкий кофе. Могу аспирином поделиться.

– Ничего я не хочу! – взвился я, схватил битое яблоко и швырнул его в корзину с мусором.

– Баскетболист из тебя хреновый, – прокомментировал бросок Голиков, глядя на опрокинутую корзину и ускокавший плод.

Он покачал головой и пошел устранять последствия неумелого броска. Я остался один на один с тяжелыми мыслями, чувствуя себя хуже некуда. И жизнь, и работа разом повернулись ко мне неприглядной стороной. Мои руки долго не прикасались к клавиатуре, и дисплей погас. В черном зеркале монитора отражалось мое огрубевшее лицо и потем-

невшие контуры кабинета, словно я сам и мир вокруг попали в мрачное зазеркалье. Смотреть в жуткую черноту было невыносимо.

Я ударил по клавишам, ввел пароль в появившемся на мониторе окошке и раскрыл таблицы движения средств по счетам. Надо делать хоть что-то, лишь бы не оставаться один на один с гнетущими мыслями. Моя зрительная память отлично запоминала числа, все-таки я математик по образованию, а не поэт. Поток чисел, за которыми стояли денежные суммы, затягивал меня в головоломную воронку, заставляя их сравнивать и анализировать. Спустя час, я нашел целый ряд сомнительных операций.

– Опять какая-то ерунда. Что-то не так, – бурчал я, копируя суммы и номера счетов в отдельный файл.

– Ну что еще? – высказал недовольство Голиков, с сомнением покосившись на меня.

Пришлось распечатать таблицу и разъяснить:

– Смотри. В суточных выписках эти переводы есть, а в отчете за месяц отсутствуют.

Олег оттолкнул свое кресло на колесиках и подошел ко мне. Его взгляд был колючим и ироничным одновременно. Голиков пощелкал пальцами около моих ушей, словно будил заснувшего.

– Эй, идеалист, проснись! Ты думаешь: чем мы зарабатываем? Депозиты-кредиты? С ними легко прогореть. Мы не Сбербанк, которому все доверяют. Радкевич выбрал другую

нишу для бизнеса.

– Взять деньги и смыться?

– До этого еще не дошло. Наш банк оказывает услуги особго рода.

– Какие же?

– Если в двух словах, то криминалу надо отмыть деньги, чиновникам обналичить откаты и спрятать их в офшоре. Есть спрос – будет предложение.

– Обналичить и спрятать.

– Наконец дошло.

Меня распирала обида:

– Я месяцами работаю над программами, ставлю преграды для мелких мошенников, а тут...

– Да что с тобой? – начал раздражаться Олег. – Ты не такой как всегда.

– Кое-что случилось.

– Что же?

Мне не хотелось говорить про дочь, для чужого человека это лишь любопытная информация, а для меня непрестанная боль. И я хлопнул ладонью по сомнительной таблице:

– Вот это!

Голиков хмуро вглядывался в мое лицо, словно видел впервые. Я с вызовом ответил на его невысказанный вопрос:

– Что, не нравлюсь?

– Забудь.

Олег выдернул из-под моей руки страницу с номерами

счетов, вернулся к своему столу и сосредоточенно захрустел яблоком. Даже его спина выражала презрение. Швырнув огрызок, словно окурок, Голиков вышел из кабинета.

«Заложит», – равнодушно подумал я.

Спустя двадцать минут я внутренне усмехнулся своей прозорливости – меня вызвали к Радкевичу.

Путь к директорскому кабинету не занял много времени – только подняться на этаж выше.

– А, это ты, Юра. Заходи, – нарочито дружески приветствовал меня владелец банка.

Радкевич не предложил мне сесть, а сам вышел из-за стола навстречу. Он был немного старше меня. Я знал, что первоначальное состояние он сколотил на торговле левым алкоголем. Рискованный бизнес закалил его характер, придал уверенности, но расшатал нервы. В последние годы Борис Михайлович Радкевич сосредоточился на банковском деле, менее прибыльном, зато респектабельном и комфортном. Теперь он мог уделять много времени своей главной страсти – породистым лошадям. Говорили, он владеет конюшней где-то за городом. Выражение лица банкира легко менялось в зависимости от обстоятельств. Он привык повелевать подчиненными и выражать сдержанное уважение сильным мира сего.

Глядя на босса, я еще раз убедился, на кого стремится быть похожим Голиков. Престижные костюмы, обувь, часы, автомобиль – только у Радкевича все настоящее и обновля-

ется чаще.

На стенах просторного кабинета были развешаны стильные черно-белые фотографии лошадей, напечатанные на ткани.

– Красивые животные. – Радкевич остановился у одной из рамок. – Лошадей любят и ценят, создают им условия, которым могут позавидовать многие двуногие.

Радкевич улыбнулся собственному каламбуру, перевел взгляд на меня и помрачнел.

– Но у каждого жеребца, даже самого распрекрасного и дорогого, есть свой хозяин. Хозяин решает, кого – под седло, а кого – в упряжку.

Я не знал, что ответить. Босс выждал паузу и указал на соседний снимок:

– Посмотри, какая выразительная тройка. Чудо животные. Чувствуется мощь, стремительность, они действуют, как единое целое. А вот эта маленькая деталь сбоку от глаз – это шоры. Полезная штука, конь смотрит только вперед, не отвлекается на постороннее. Если надо повернуть, кучер подскажет ему направление ударом кнута. Ты понимаешь, о чем я?

Я уже понимал, однако ответил:

– Мне больше нравятся лошадиные силы под капотом.

Взгляд Радкевича похолодел.

– Ты хороший специалист, Юра. Я тебя ценю и создаю условия. Разве не так?

Я вынужден был кивнуть. Мои кредиты на новый дом и машину были оформлены по его распоряжению. Да и с зарплатой он не обижал.

Радкевич сдержанно улыбнулся и похлопал меня по плечу.

– Вот мой совет. Занимайся своим делом и не смотри по сторонам. – Радкевич вынул из кармана листок с моей таблицей сомнительных сумм и демонстративно разорвал его на мелкие клочки. – Мы друг друга поняли?

Я снова кивнул.

– И вот еще что, – напоследок пожурил Радкевич, – не забывай одевать свежую рубашку по утрам. Это улучшает настроение и тебе и окружающим.

Как легко давать советы. Если бы этот рецепт работал, я бы менял рубашки каждый час.

Вечером я вошел в свой дом словно провинившийся школьник, скрывающий двойку от родителей. Я двигался скованно, старался не встретиться с супругой взглядом, изображал усталость. После вчерашнего бардака гостиная и кухня предстали в идеальном порядке. Катя славно потрудилась, разбирая коробки, и я позавидовал – ей было чем заняться.

– Наконец. Почему так долго? – встретила меня на кухне озабоченная супруга. Она вытерла руки, смахнула со лба прядь волос и убавила пультом громкость телевизора. – И Юля шифруется. Я ей несколько раз звонила, а она сообщения в ответ присылает.

– Что пишет? – спросил я и ужаснулся фальши своего голоса.

Но Катя не обратила внимания. Одной рукой она подцепила телефон со стола, другой небрежно качнула пальцами в направлении плиты:

– Я уже поужинала, ты сам положи себе сколько хочешь.

Она набрала номер дочери, напряглась в ожидании, гладкий лоб прорезала морщинка тревоги. Неожиданно вместе с гудками она услышала ответную трель из кармана моих брюк. Ее правая бровь взметнулась вверх, вопросительный взгляд уперся в мое смущенное лицо.

Вот я растяпа! Забыл отключить звук! Делать было нечего, я склонил голову и выложил на стол белый смартфон, который мы недавно подарили Юле на день рождения.

Пришлось признаться:

– Юля не может говорить. И сообщения тебе посылал я.

После работы я снова заезжал в больницу. Дочь пришла в сознание, была напичкана обезболивающими, а ее чарующие глаза, которые так обожали фотографы, постарели на десять лет. И самое ужасное – вместо волнующей поволоки в них поселилось темное отчаяние.

– Кто это сделал? – подавив ком в горле, спросил я у Юли.

Говорить или качнуть головой она не могла, лишь беспомощной хлопнула веками: не знаю. И заплакала. Я сжал руку дочери и тоже не смог сдержать слез. Я не знал, как ее утешить, дрожь в моем голосе и беспомощный вид только расстроили бы ее.

– Держись, – выдавил я, и был благодарен медсестре, выпроводившей меня из палаты.

Узнав телефон дочери в моей руке, Катя медленно опустилась на стул. Ее сузившийся взгляд прощупывал меня так, словно под привычной одеждой прятался незнакомый человек.

– В чем дело? – спросила она.

Я мучительно подбирал слова:

– Все в порядке. Почти. Самое худшее уже позади. Наша Юля в больнице, но ты не волнуйся.

– Что случилось? – настаивала жена.

Мне стоило больших трудов рассказать о произошедшем так, чтобы Катя не упала в обморок. А потом потребовалось еще больше усилий, чтобы удержать ее дома и хоть как-то успокоить.

– Сейчас не время, к Юле не пустят, она спит. Подождем до завтра, – твердил я, а Катя рыдала на моем плече.

На следующее утро мы вместе приехали в больницу. Катя сразу направилась к дочери, а меня перехватил в коридоре озабоченный Давид Гелашвили.

Хирург заговорил вполголоса, но тоном, не терпящим возражений:

– Оставьте жену. Нам надо переговорить с глазу на глаз.

– Я ее успокаивал, как мог. Она на седьмом месяце беременности, проплакала всю ночь. Можно, чтобы рядом с ней кто-то был? – Я порывался сопровождать Катю.

– Об этом не беспокойтесь, у нас опытный персонал. – Врач дал распоряжение медсестре и увел меня в свой кабинет. Поставив передо мной стакан с водой, он сел напротив и сложил руки: – У меня две новости.

– Плохая и хорошая? Сначала хорошую, – бодрился я, предчувствуя недоброе. – Плохого, знаете ли, за вчерашний день...

– Состоянии вашей дочери стабилизировалось, угрозы жизни нет. Но для полноценного восстановления организма потребуются донорские ткани и дорогостоящие операции.

Если хотите совет, то лучше это делать в Германии. Вы не подумайте, у нас тоже есть хорошие хирурги, но юридические аспекты с донорскими органами настолько запутаны, что можно и не дожидаться.

– Я понимаю, понимаю... О какой сумме идет речь?

– Я подготовлю необходимые медицинские документы, пошлю в немецкую клинику. Посмотрим, что они ответят.

– И все-таки? У вас же был подобный опыт.

– К сожалению, поврежден весь желудочно-кишечный тракт, потребуется не одна операция. Думаю, надо ориентироваться на сумму от ста пятидесяти до двухсот тысяч евро. – Хирург замялся. – При нашей клинике существует благотворительный фонд. Средства ограничены, нуждающихся много, существует очередь, но... я бы на вашем месте поспешил.

Я понимающе кивнул:

– Да, конечно. Я работаю в банке, попрошу еще один кредит. Не двадцать, так тридцать лет буду работать на босса.

Гелашвили сжал губы и посмотрел на меня поверх очков так, словно я сморозил глупость.

– Есть еще одно обстоятельство, – промолвил он.

– Плохая новость? – Я вспомнил начало разговора и попытался пошутить: – Если даже комета врежется в Землю...

Я осекся под невеселым взглядом Гелашвили.

– Вчера вы сдали кровь. Мы ее проверили и... – Хирург раскрыл папку, чтобы свериться с результатом анализа, буд-

то диагноз мог волшебным образом измениться. – У вас обнаружили ВИЧ инфекцию.

Повисла долгая пауза. Я не сразу понял, что речь идет обо мне. В беде моя дочь, о ней все мысли и разговоры. Это несчастье также может отразиться на беременной жене, но я... Я мужик, я выдержу. Седые волосы и душевные муки не в счет, лишь бы Юлия поправилась, и Катя благополучно родила. О чем вообще речь? Может, я ослышался?

– Вы сказали: ВИЧ?

– Вирус иммунодефицита человека, – отчетливо, с расстановкой произнес врач.

– Тот самый ВИЧ у меня?!

– Вирус обнаружен в вашей крови. Мы, разумеется, проведем повторный анализ, и возможно... Но предупредить я обязан уже сейчас.

– Нет, не может быть. Я не наркоман какой-то... Я семейный человек. – Мои мысли путались. Я пришел сюда с одной проблемой, а меня огорошили совершенно другой. – Не понимаю, ничего не понимаю.

– Выпейте воды.

Я послушно опустошил стакан и посмотрел на доктора. Я не ослышался, это не сон и не шутка. Передо мной все тот же врач, на столе результат анализа с моей фамилией, там сказано, что я смертельно болен. Какие двадцать-тридцать лет? Все планы к черту. Я не протяну и до следующего года. И как я буду жить? Я съезжился, представляя себя уродцем,

которого все избегают.

Врач наклонился ко мне через стол, заглянул в глаза и мягко заговорил:

– Не паникуйте, сосредоточьтесь на своем дыхании. Вдох-выдох, вдох-выдох. И считайте: раз-два, раз-два. Это звучит глупо, но вы попробуйте.

Я задышал. Разумеется, дышал я и до этого, но всегда этот естественный процесс был вспомогательной функцией организма. Я шел, думал, работал, занимался чем угодно и дышал, как бы между делом, а сейчас я только дышал, шумно и сосредоточенно. И считал: вдох-выдох, раз-два...

Постепенно в голове прояснилось. Появились вопросы:

– ВИЧ – это СПИД?

– Нет-нет. – Гелашвили откинулся на спинку кресла. Самое неприятное он уже сообщил, к нему вернулась профессиональная уверенность. – ВИЧ – это хроническая, медленно текущая инфекция. Как правило, ее удается удерживать под контролем годами. Все зависит от образа жизни и применяемых препаратов. В этот период инфицированный человек чувствует себя хорошо, выглядит вполне здоровым, и часто даже не догадывается о своей проблеме. Кстати, когда вы последний раз делали анализ крови?

– Не помню. Давно.

– Вирус проявляется не сразу. Через три, а порой и шесть месяцев после заражения.

– Как? Как я мог заразиться?

– ВИЧ передается от человека к человеку. Прежде всего это половой путь при незащищенных сексуальных контактах. Или непосредственно через кровь: внутривенный прием наркотиков одним шприцем, инъекции, переливания...

– Подождите. А моя кровь? Вы перелили ее дочери? – Я вскочил, готовый выбежать из кабинета, чтобы спасти Юлю.

– Ну что вы, для этого и существуют тесты. Сядьте и успокойтесь. Вы сейчас должны проанализировать свою жизнь и понять, от кого вы заразились. И конечно, в корне изменить свое поведение, чтобы самому не стать источником распространения инфекции.

– Катя. Моя жена, – всполошился я.

– Она беременна, всех беременных проверяют на ВИЧ в обязательном порядке. Если бы что-то обнаружили... Конечно существует скрытый период. Я позабочусь, чтобы ее снова протестировали.

– Вот черт! Почему я? За что? – Я схватился за голову. – Как все не вовремя. Сколько мне осталось?

– Вы пока не больны, а только инфицированы.

– Но СПИД ведь неизлечим?

– Не паникуйте. У вас нет СПИДа.

– Не понимаю. Вы только что говорили про ВИЧ.

– Уясните простую вещь, – растолковывал доктор. – У вас в крови обнаружен вирус, с которым организм пока справляется. СПИД – это конечная стадия развития ВИЧ— инфекции. Она может наступить нескоро. Это зависит от многих

факторов. Я вам дам брошюру. Тут все популярно изложено.

Я взял брошюру, прочел название: «С ВИЧ можно жить» и тут же свернул ее в трубочку. Несмотря на обнадеживающее название, оно пугало.

– Пока я не пройду повторную проверку, не говорите Кате, – попросил я.

– По закону эта информация является строго конфиденциальной. Я не имею права сообщать о вашем статусе ВИЧ-инфицированного никому: ни вашей жене, ни родителям, ни друзьям, ни коллегам. Вы сами решайте, как поступить.

Я вдруг вспомнил слова Гелашвили в нашу первую встречу: шаг в сторону – и ты в полете. И почувствовал, как пол уходит у меня из-под ног. Я лечу в пропасть.

– Так, – хирург непостижимым образом оказался рядом со мной, успел подхватить и встряхнул за плечи, останавливая головокружение. – Вам надо выпить пару таблеток.

– Что, уже началось?

– Выпейте успокоительное. – Врач наполнил стакан водой и передал две пилюли. – Это обычный шок. Вы еще стойко держитесь. Возьмите на работе пару дней отдыха.

– Но тогда все поймут, что со мной что-то не так.

– Хорошо, продолжайте работать. Живите, как ни в чем не бывало. Почувствуете приступ паники, дышите, как я сказал.

– И все?

– Пока да. Это работает.

Врач стал говорить про направление к инфекционисту,

комплексное обследование, дополнительные анализы, подбор медикаментов, а я считал вдохи и выдохи: раз-два, раз-два... Почему-то дальше двух я не продвигался, даже любимые числа отвернулись от меня.

Медсестра ввела в кабинет поникшую Катю. Я поспешил обнять всхлипывающую жену, лишь бы она не заметила страха в моих глазах. Но Катя сама была крайне подавлена и думала только о дочери. Она с надеждой смотрела на доктора, тот успокаивал, обещая сделать все возможное. Гелашвили упомянул про лечение в Германии и сказал, что обсудил детали со мной. Я ободряюще кивнул жене, показывая взглядом, что все будет в порядке. Она поверила не моей жалкой игре, а своей материнской надежде.

Я отвел Катю в машину, сам сел за руль. Отправляясь в больницу, я заранее знал, что жена не сможет вести автомобиль, но я и предположить не мог, что сам окажусь в состоянии близком к шоку.

– За что? Почему? – время от времени шептала Катя и поджимала губы. – Как теперь жить?

Те же вопросы мучили меня, но, если мысли жены касались исключительно дочери, я адресовал их и себе.

– Ее вылечат, я найду деньги, – пробормотал я, понимая, насколько неубедительно это звучит.

– Я бы все отдала, лишь бы Юля... – Катя не могла говорить дальше и заплакала.

Я тоже готов был пустить слезу, но заставил себя держаться. Вдох-выдох, раз-два...

Доставив жену к дому, я поехал на работу. Войдя в банк, я невольно съежился. Мне казалось, что все теперь смотрят на меня иначе, с подозрением, намеренно сторонятся, как от прокаженного. Неужели у меня на лице написано, что я смертельно болен?

– Серов, ты выглядишь неважно, – подтвердил подозрение Олег Голиков. – Вчера явился раньше всех, сегодня опоздал. Ты на часы смотришь?

Не дождавшись ответа, он сыронизировал:

– Счастливые часов не наблюдают. Лови!

Олег кинул мне традиционное яблоко, однако я, придавленный тяжелыми мыслями, вообще не среагировал. Зеленое яблоко ударило по клавиатуре, отчего ожил мой монитор, и поскакало по полу. И каждый удар обозначал на красивом плоде будущее место гниения. Сейчас оно не заметно, но через день-два проявится ужасными пятнами. Кошмарные ассоциации лезли мне в голову, разрушение организма я проецировал на себя.

– Да, тяжелый случай, – мрачно прокомментировал Голиков и уткнулся в монитор. Видя, что я продолжаю пребывать в прострации, он недовольно пробурчал: – Вообще-то у нас запарка.

Я сидел без движения, и Голиков повысил голос:

– Ты слышишь меня, Юрий Андреевич?

– В чем дело? – очнулся я.

– Интерфейс банкоматов надо протестировать, утром был

непонятный сбой, – ответил Олег и демонстративно отвернулся.

Я вошел во внутреннюю сеть банка, стал читать сообщения, просматривать коды ошибок, пытался сконцентрироваться на работе. Однако мое сознание было целиком занято неприятными вопросами. Когда я заразился? От кого? Сколько мне осталось жить? И тут же отчаяние сменялось надеждой: а вдруг повторный анализ даст иной результат? О боже, сделай так, чтобы я был здоров. Я готов был молиться, хотя никогда этого не делал.

Если становилось совсем тяжело, я сосредотачивался на дыхании. Этот метод помогал снять волнение, отодвинуть собственные страхи, немного погрузиться в работу. Пальцы начинали бродили по клавиатуре, мне удавалось набирать команды. Но хрупкое спокойствие тут же разрушала тревога за дочь. Ей предстоит долгое лечение, потребуются немалые деньги, и достать их могу только я. А вдруг моя болезнь будет развиваться стремительно, и меня свалит СПИД? Что станет с Юлей, с Катей, с нашим еще не родившимся ребенком?

Неожиданно меня кто-то тронул за плечо. Я обернулся и увидел ошарашенное лицо Олега. Он тыкал пальцем в мой монитор на мигающие красные конвертики экстренной связи:

– Серов, ты что, сообщения не читаешь? Поток жалоб завалил службу поддержки. Зависли все наши банкоматы. Все!

– Я как раз разбираюсь. – Я посмотрел на раскрытую про-

грамму и удивился. Я менял какие-то коды, что-то правил, но что именно совершенно не помнил.

– Ты прочти! Наши инкассаторы не могут собрать выручку, не срабатывают сервисные карты.

– Сервисные карты, – эхом повторил я и потянулся в ящик стола за специальной пластиковой картой, с помощью которой производят инкассацию и тестирование всех систем банкомата.

– А ну-ка дай посмотреть. – Голиков отодвинул меня от монитора, стал тыкать пальцами по клавиатуре. – Вот в чем засада. Ты перезагрузил программу, после этого начались сбои. Какие изменения ты внес?

– Я? Кажется, никакие.

Я беспомощно вертел в руках сервисную карту.

– Кажется? Да вот же, с твоего компьютера ушло обновление. Смотри!

– Не помню, – честно признался я.

– Ну, знаешь, – Олег округлил глаза и покачал головой.

На моем столе затренькал служебный телефон, по мигающему индикатору с номером «1» стало ясно, что вызывает владелец банка. На меня накатила тошнота. Я несколько часов прислушивался с собственному организму в мучительных поисках подвоха, и организм ответил на провоцирующее ожидание. Из желудка поднималась рвота, я стремглав выбежал в туалет.

Голиков проводил меня удивленным взглядом и осторож-

но поднял трубку.

– В чем дело, Серов? Какого хрена так долго возитесь? – сыпал ругательствами наш босс Радкевич.

– Говорит не Серов, это Голиков.

– А где твой начальник? Почему он не отвечает на мои звонки? Что у вас творится? Все банкоматы не работают.

– Борис Михайлович, сбой произошел по вине Серова.

– Это не сбой, а диверсия! Я терплю убытки, а вы ни черта не делаете.

– Моей вины нет, за свои действия готов ответить. А вот Юрий Андреевич...

– Что ты мямлишь, говори четко.

– Он перезагрузил программу управления банкоматами. После этого начались неприятности.

– Почему? Ошибка?

Голиков понял, что ему выпал шанс. Грех не воспользоваться промахом начальника, если можно занять его место. Он торопливо заговорил, понизив голос и с опаской глядя на дверь:

– Борис Михайлович, я опасаюсь за Серова. У него крыша едет. Буквально. Вчера явился бледный, с перепоя, сегодня вообще не в себе. Я его спрашиваю: какие изменения ты внес в программу, а он не помнит, реально не помнит – глаза пустые. Такое впечатление, что Серов свихнулся. Вы сами на него посмотрите. Он может такого натворить.

– Он уже натворил. Ты сможешь исправить?

– Постараюсь.

– Занимайся, подключай других сотрудников, а Серова немедленно ко мне.

Вернувшись из туалета в ужасном состоянии, я застал коллегу на своем рабочем месте. Олег, не отрываясь от монитора, коротко сообщил:

– Тебя Радкевич вызывает. Срочно.

– Я как раз собирался с ним поговорить, – промямлил я, погруженный в свои мысли.

Как только я вошел в кабинет босса, Радкевич метнул раздраженный взгляд и брезгливо поморщился при виде бледного поникшего сотрудника.

– Ты о чем думаешь, Серов?

– Я хотел попросить вас. Мне нужен кредит.

– Какой еще кредит?

– Двести тысяч евро. У меня дочь... Хотя бы сто пятьдесят.

– Что? – взвился Радкевич, поднимаясь из-за стола. – Ответь на вопрос: ты обновлял сегодня программу управления банкоматами?

– Понимаете... – Я замялся.

– А что тут понимать. Мне уже доложили, что по твоей вине я терплю убытки, а ты настолько обнаглел, что просишь у меня деньги. Это не просто наглость, это издевательство!

– Понимаете, у меня сегодня...

– Да наплевать, что у тебя! Вчера мы поговорили, ты вроде

бы согласился, а сегодня занимаешься вредительством.

– Нет.

– Я этого не потерплю!

– Я попытаюсь...

Радкевич с подозрением всмотрелся в мое лицо:

– Ты что, под кайфом?

– Всего две таблетки, успокаивающих, – оправдывался я, но лучше бы этого не произносил.

– Таблетки, значит, – покачал головой банкир и рубанул воздух ладонью: – К компьютеру ты больше не подойдешь. Ты свободен. Вообще свободен. С сегодняшнего дня ты уволен, Серов.

– А как же... – Я видел перед глазами больную дочь, а Радкевич сумму в графе убытки.

– Убирайся! – рявкнул он.

Я покинул кабинет словно во сне. Неужели моя болезнь написана на моем лице. Первый день, как я узнал, и уже такой кошмар. Что же будет дальше.

На рабочем месте меня встретил притихший и вежливый Голиков.

– Слушай, старик, мне позвонили, сказали не подпускать тебя к компьютерам. Ты должен собрать личные вещи и... – взгляд Олега красноречиво переместился на дверь. – Извини, это приказ Радкевича.

И только тут ко мне пришло понимание необратимого. Меня увольняют. Никаких новых кредитов я не получу, и

старые не смогу выплатить. У нас заберут новый дом, автомобиль, и это будет в рамках закона. Дочь не получит нужного лечения, жена возненавидит меня, и я стану бедным и больным.

Сотрудница службы персонала принесла какие-то бумаги, попросила расписаться.

– Мне положена компенсация, – напомнил я.

– Это не тот случай. – Женщина мягко улыбнулась и забрала подписанные документы.

– Почему не тот? В случае увольнения мне полагается...

Но вежливая дама уже покинула кабинет. Голиков заблокировал доступ ко всем компьютерам, кроме своего, и углубился в работу, словно меня здесь не было. Я почувствовал бессилие: я лишний, меня выбрасывают. И тут же во мне вскипела злость. Ах, так! Мне терять нечего, скоро я сдохну, поэтому могу делать, что захочу. Например, набить морду боссу.

Я написал на листке сумму своей зарплаты за три месяца, стремглав поднялся на этаж и ворвался в кабинет Радкевича.

– По договору мне положена трехмесячная компенсация. – Я припечатал листок к столу и подвинул к директору.

Тот ответил тихо с кривой улыбкой и нескрываемой издевкой:

– Засунь в задницу этот договор.

Я выбросил кулак вперед через стол, но Радкевич ловко загородился настольной лампой. Удар пришелся по плафо-

ну. Стекло лопнуло, поранив мне руку. Увидев капли крови на костяшках пальцев, я сник. Собственная кровь напомнила мне о неизлечимом вирусе, пожирающем меня изнутри.

– Пошел вон, урод! – крикнул банкир. – Я позабочусь, чтобы тебя ни в один банк не взяли. Считай, что получил черную метку!

Упоминание о метке меня добило. ВИЧ – это метка, которой общество клеймит изгоев.

Я попятился. На глаза попалась фотография тройки лошадей, на примере которой хозяин кабинета демонстрировал полезные для управления шоры. Я сорвал рамку, хотел шмякнуть ею об пол, но в последний момент пожалел выразительные лошадиные морды. Я так и вышел с красивым постером в руках.

В свой кабинет возвращаться не стал, сразу спустился вниз. У выхода из банка дорогу мне перегородил охранник. Он должен был убедиться, что уволенный сотрудник не прихватил с собой ничего ценного и конфиденциального. В моих руках был только постер.

– Нельзя, – покачал головой охранник.

– Ну конечно, я вырвался из упряжки, а ты бей копытом, получишь лишнюю порцию овса. – Я всучил ему постер и покинул здание.

Сконфуженный охранник забыл потребовать сдать пропуск.

«Беда не приходит одна», – вспомнил я неутешительную поговорку. Подразумевалось, что беды приходят парами, но мой случай особый – считай, пока не собьешься. Трагедия с дочкой, собственная болезнь, увольнение, и вот еще одна неприятность – старый «пежо» упорно не хотел заводиться. Конечно, это ерунда по сравнению с остальным, но разве мало мне других несчастий.

Хоть в мелочах пожалей меня, боже! Однако всевышний меня не услышал.

Покрутив стартер до полного разряда аккумулятора, я бросил машину и пошел к метро. Размеренная ходьба хорошо сочеталась с лечебной процедурой: вдох-выдох, раз-два, вдох-выдох... – только так я смог успокоить расшатанные нервы. Я никуда не спешил, прошел пешком нескольких станций, где-то посидел, отдышался и домой добрался поздно.

У порога нашего таунхауза рядом с «вольво» жены стоял полицейский «форд». «Сашка прикатил», – догадался я.

Мой сводный брат Александр Громов был капитаном полиции и предпочитал пользоваться служебным автомобилем. Сначала наша мама была замужем за учителем физики Серовым, – так родился я, потом за участковым милиционером Громовым, – и появился Сашка. Насколько разными

были наши отцы, настолько непохожими получились и мы с Сашкой. Я был старшим, меня считали тихим правильным умником. Мама гордилась моими успехами в школе и ставила в пример брату. Сашка был на три года младше меня, успехов в учебе не проявлял, но отличался деятельной самоуверенностью.

– О, явился! Ты где застрял? И на звонки не отвечаешь, – с порога упрекнул меня брат. – Мы тут переживаем.

Александр, его жена Наталья и моя Катя расположились за столом на кухне. Женщины выглядели бледными и подавленными, Громов, как обычно, вел себя шумно и активно жестикулировал. Его всегда было много, он заполнял собой любое пространство, особенно, когда выпьет. Сегодня планировалось отметить наше новоселье, но жизнь спутала планы, встреча получилась по грустному поводу.

– Машина сломалась, – сообщил я в свое оправдание.

– Садись, – хлопнул ладонью по столу рядом с собой Громов и разлил в рюмки водку. Он постучал себя кулаком в грудь. – У меня на душе, брат, полный мрак, представляю, что у тебя. Выпей, полегчает.

Он выпил залпом, краем глаза заметил, как пригубила рюмку Наталья, и, отправляя в рот квашенную капусту, пригрозил влажным пальцем в сторону беременной Кати:

– Тебе нельзя, не вздумай.

Я медленно опустошил рюмку, но не почувствовал ни вкуса, ни облегчения. Грудь сжимало, словно тисками, есть не

хотелось, пить тоже.

– Ты что-нибудь узнал? – спросил я брата, когда тот прожевал и потянулся за бутылкой.

– Работаем. Опросы-допросы, все, как положено.

– И что? – мне начинали надоедать его отговорки.

– Пока безрадостно, как всегда в таких гадюшниках. Хотя клуб «Гонконг» пафосный, дорогой, но они же как – внутри запись не ведут, чтобы не тревожить посетителей. Камера есть только на входе. Ну и охрана ни хрена не следит, кто чего пьет или нюхает. Если будут придирааться, посетители к конкурентам свалят.

– Бар проверили?

– Паленого алкоголя нет, тогда бы многие отравились. Там все проще и жестче. – Громов выпил и поморщился больше от досады чем от горечи водки.

– Рассказывай, – потребовал я.

Сашка наклонился ко мне, стараясь говорить тихо, но его шепот получался театральным, и был слышен каждому на кухне.

– Мы нашли под диванчиком, где Юлька сидела, бутылек из-под уксусной эссенции. На склянке отпечатков нет. Если бы она сама решила, ну... это самое, то не стала бы отпечатки стирать.

– Да не могла она, – возмутился я. – Кто притащил кислоту?

– В том то и дело, что эссенцию можно купить свободно

в продуктовом магазине. А народу в клубе вертелось много. Ты бывал в таких местах?

– Мне незачем, я вышел из этого возраста.

– Там полумрак, музыка гремит, огни мигают, толпа снует туда-сюда, многие под кайфом. Начнешь опрашивать – никто ничего не видел, ничего не знает. Как Юля там оказалась?

– Понимаешь... – я замялся.

Катя заплакала навзрыд, Наталья поспешила увести ее. Громов скривился, сделал неопределенный жест руками: мол, женские нервы не в моей власти. Он посмотрел на опустевшую бутылку водки, спустил ее на пол, достал их холодильника новую. Когда возвращался, задел пустую бутылку, и та с грохотом укатилась под стол. Мы не стали ее поднимать – катись оно все!

– А Юлька что говорит? – деловито спросил Громов, открывая бутылку.

– Она не может говорить. У нее трубки в горле, – едва сдерживая раздражение, ответил я.

– Мрак, – спокойно согласился Громов. Он выпил, сжал кулак и потряс им, грозя в пространство: – Мы найдем гада и посадим! Ты главное держись, и Катя чтобы без глупостей... Ну, ты соображаешь.

После очередной рюмки, бряцанья вилок по тарелке с остатками ужина и громкого чавканья капитан полиции решил сменить тягостную тему. Он положил руку мне на пле-

чо, типа, по-братски.

– У тебя опять «пежо» сыпется? Замени эту рухлядь. Купи хорошую тачку.

Я усмехнулся и стал монотонно перечислять:

– Новую безопасную машину я купил жене. В кредит. Ей она нужнее. За этот дом нам двадцать лет предстоит выплачивать. Его еще надо обставить, наверху вообще без отделки, малыш скоро родится – это новые расходы. – Затем во мне что-то надорвалось, я сбросил чужую руку с плеча. – Да не в этом дело! Юле плохо, ей советуют операции за границей. Это огромные деньги, а ты говоришь про новую машину.

– Мрак, – вставил любимое словечко Громов. – Но у тебя же отличная работа и полжизни впереди. Ты начальник отдела. Начальник! А я всего лишь капитан, в мои-то годы. Вот если бы я был начальником отдела...

– Да уж, я начальник.

Я хотел признаться, что меня поперли с работы, но в последний момент сдержался. Братец проболтается жене, та – Кате. Это будет дополнительным ударом по беременной женщине, а она и так вся на нервах.

– У нас, знаешь, как должности получают? – стал пьяно объяснять Сашка. – Или по блату, или отличиться надо. Ну там, громкое дело раскрыть, бандита какого-нибудь поймать, чтобы в прессе отметили.

– Ну так поймай! – потребовал я, имея в виду покушение на дочь.

– Я работаю, – охотно кивнул Громов. – У нас в округе появились преступники, грабящие банкоматы. Представляешь, что придумали: отключают камеры. Как – неизвестно. Видимых повреждений нет, провода целы, камера не заклеена. Если такое дело раскрыть, можно в управление «К» перейти. Это по киберпреступности, там оклады выше.

– Я тебе про Юлю толкую, – в сердцах возмутился я.

– Такая же проблема. И там, и там нет видеозаписи. Как без этого работать?

– Мозгами, кулаками, силой, – я злился уже не только на полицию, на весь белый свет.

– Кстати про силу. Один раз они увезли тяжелый банкомат, другой раз вскрыли ломом.

– Ты опять про грабителей. Зачем вскрывать, достаточно... – Я сунул руку в карман, нащупал сервисную карту, случайно взятую с работы, и выругался. – Придурки.

– Если бы, – не согласился Сашка. – Они каждый раз придумывают что-то новое. Чтобы таких ухарей взять, надо действовать по горячим следам. Кстати, ты же знаток банкоматов, всех этих электронных штучек, заморочек. Скажи, как им удается...

Вызов по мобильному прервал болтовню Громова. Он приложил трубку к уху и, по мере того, как слушал, его плечи расправлялись, а глаза расширялись, искря юношеским азартом. Я с детства знал, что означает этот блеск: вперед, напролом, без раздумий.

- Выезжаю! – рывкнул братец в трубку, вскакивая с места.
- Что случилось? – встревожился я.
- Поджог банкомата, опять камеру отключили.

Громов тяжелым шагом направился к выходу, накинул куртку, доставая ключи от машины. Я попытался удержать его:

- Тебе нельзя за руль, ты же пьян.
- Кто меня остановит? Я на служебной тачке.
- Сумасшедший.
- По горячим следам надо брать, иначе уйдут, – суетился капитан полиции.

- Посмотри на себя в зеркало.

Я ткнул его носом в дверцу раздвижного шкафа, от пьяного дыхания зеркальная поверхность покрылась испариной.

- Наталья довезет, – согласился брат.

– Давай, я тебя отвезу, – неожиданно предложил я, выпивший всего одну рюмку.

Мне не хотелось оставаться дома наедине с Катей. Она может почувствовать мое удрученное состояние, начнет приставать с вопросами, стремясь проникнуть в душу, мне придется врать, изворачиваться. Уж лучше вернусь, когда она заснет.

– А что, поехали! – хлопнул меня по плечу Сашка. – Ты, как технарь, посмотришь чертовы камеры, что да как. Экспертом, короче, будешь. А бабы... Жена на такси доедет.

Первые минуты за рулем полицейского «форда» я чувствовал себя скованно. Меня смущали видеофиксатор, установленный над панелью приборов, рация под правой рукой, дополнительный монитор в центре и непонятные кнопки управления.

Громов нетерпеливо ерзал в кресле пассажира и давал указания:

– Ты что, беременную жену везешь? Врубай мигалку и дави на газ.

– Где?

– Да вот же! И сирена не помешает.

Капитан щелкнул кнопками, на крыше автомобиля включились желто-красные проблесковые маячки, завывла сирена. Полицейская цветомузыка била по нервам, тешила самолюбие и помогла ехать быстро – попутные машины торопливо расступались. Сашка показывал дорогу, требуя игнорировать сигналы светофора. Я испытывал странное ощущение, впервые в жизни я открыто нарушал закон: сел за руль в состоянии опьянения, превышал скорость, гнал на красный, выскакивал на встречку, однако не чувствовал укоров совести. Наоборот, невзгоды, обрушившиеся на меня за последние два дня, отошли на второй план, и мне стало чуточку легче.

После щекочущей нервы гонки, — я говорю про себя, братцу было хоть бы хны, — мы оказались на широкой пустой улице, где велось массовое жилищное строительство. Ограбленный банкомат находился в тамбуре закрытого на ночь отделения банка. Найти место преступления не составило труда — рядом сустились пожарные и полиция.

Громов выскочил из машины, едва я остановился, и потопал широким шагом к банку, подзывая на ходу вытянувшего шею лейтенанта:

— Петухов, докладывай.

Подбежавший худой лейтенант семенил рядом с начальником и тараторил:

— Товарищ капитан, в ходе оперативно-следственных действий нами...

— Короче, Петухов!

— Грабители отключили камеру, закачали газ в банкомат, спрятались за дверью и подожгли. — Лейтенант указал на пустой баллон у крыльца банка.

— Рвануло?

— Еще как.

Мне стало любопытно, я подошел ближе. В пахнущем гарью помещении с выбитыми стеклами мы увидели сильно поврежденный банкомат и обрывки обгоревших купюр, плавающих в пенной луже.

— Деньги прикарманили, — покачал головой Громов и грозно спросил Петухова: — Свидетели есть?

– Жильцы заметили отъезжающий белый фургон, – отчетливо кивнул лейтенант.

– В какую сторону?

– Тут одна дорога, – указал рукой лейтенант. – В другой – стройка и тупик.

– Нашим сообщил?

– Патрульные в курсе.

– Патрульные, – скривился капитан. – Дуй сам, они все завалят, а я тут разберусь.

Я почувствовал малую нужду после нервной гонки и отошел к кустам. Ровная недавно высаженная живая изгородь отгораживала новый дом от территории стройки. Кусты были ниже пояса, я решил углубиться в темноту, чтобы меня не было видно с дороги. Двигаясь на пролом через кусты, я с удивлением заметил зацепившуюся на стриженных ветках тысячную купюру. Поднял, рассмотрел – банкнота была обожжена и пахла гарью.

Как она здесь оказалась? Отбросило взрывом? Сомнительно, до банка метров пятьдесят, да и ветра сейчас нет.

Осмотревшись, я увидел неподалеку на земле еще одну такую же купюру. Двинулся дальше и замер, как вкопанный. Под кустами притаилась темная фигура. Мое сердце учащенно забилося, дыхание перехватило. В трех шагах от меня лежал мужчина, не пьяница и не труп – это я понял сразу, потому что сжавшийся в напряжении человек смотрел на меня осторожным осмысленным взглядом. Наши глаза встре-

тились. Оба промолчали.

Это грабитель, – с ужасом догадался я. Он не успел скрыться до прибытия патрульных и решил затаиться. В его руках сумка с деньгами. Что делать?

– Юра, ты что там застрял? – окликнул меня Громов.

Я не двигался, подозревая, что грабитель может быть вооружен. Неосторожный поступок, и тот может взять меня в заложники. Черт меня дернул, тащиться в темноту, не мог потерпеть. Теперь я в западне: впереди забор стройки, сзади изгородь из кустов. Даже если я попячусь, преступник вряд ли отпустит меня, зная, что может быть разоблачен.

Неугомонный Громов догадался, зачем мне понадобилось в кусты, крикнул, прислушиваясь к внутренним позывам, и направился в мою сторону.

– Составлю тебе компанию.

Грабитель зашевелился. Неужели он достает оружие? Мои ноги словно приросли к земле, я не мог двигаться. Сейчас щелкнет затвор...

Но вместо механического звука я услышал сдавленный шепот:

– Юрий Андреевич, готово.

Холодный поток окатил мою спину, порядок слов и интонация были до боли знакомыми. Встревоженное сознание откликнулось воспоминанием. Лет десять назад я подрабатывал, преподавая программирование в Доме научно-технического творчества молодежи. С выкриком «готово» ко мне

обращались ученики, которые первыми выполнили задание. Они ерзали на стуле и спешили доложить об успехе.

– Юрий Андреевич, готово, – повторил грабитель.

Я всмотрелся в черные уголки глаз, подавшегося чуть вперед притаившегося человека, и вспомнил его. Под кустами прятался один из моих лучших учеников, фамилию я уже не помню, но его самоуверенный, не по годам дерзкий взгляд хорошо отпечатался в памяти. Парень схватывал теорию на лету, предлагал оригинальные решения, вот только с посещаемостью занятий у него были проблемы.

Шаги брата стали мягче, он ступил на траву, приближаясь к кустам. Теперь можно не опасаться нападения грабителя – в двух шагах полицейский. Я колебался. Одно мое слово – и на помощь, помимо брата, прибегут вооруженные патрульные, охраняющие банк. Преступнику не скрыться. Любопытно будет узнать, до чего докатился способный мальчишка. Сейчас он казался мне не пугающим, а беспомощным.

Одно мое слово... И его умоляющие глаза.

Я скомкал обожженные купюры и спрятал их в карман. Неожиданно для себя я вышел из-за кустов и перегородил дорогу брату.

– Я могу посмотреть, как отключают камеры.

– Иди, я сейчас.

– Вляпаешься, там собак выгуливают, – остановил я брата, усиленно очищая подошвы.

– Везде дерьмо. Ладно, в отдел, так и так, ехать. – Гро-

мов посмотрел через кусты, задумался и потянулся за телефоном. – Грабители могли через стройку убежать. Вызову собаку-ищейку.

– Пустая затея. Сам посмотри, земля влажная и ни одного следа.

– Точно. Ты голова, а грабители дебилы.

Громов сплюнул и потопал обратно к банку, я нагнал брата. Меня уязвило замечание брата об умственных способностях моего бывшего ученика.

– Почему сразу дебилы? Отключить камеру не каждый сможет, – допытывался я.

– Перестарались с газом, закачали больше чем нужно. Все купюры обожжены, только попробуют их сбыть, мы их сцапаем. Я не удивлюсь, если их тоже зацепило, и они обратятся в травмопункт.

В руке капитана затрезвонил мобильник. Звонил Петухов. Я отчетливо слышал сбивчивый доклад лейтенанта:

– Мы нашли белый фургон. Это техпомощь на дорогах. В машине два брата-близнеца по фамилии Носковы – толстый и тонкий.

– Петухов, ты слышишь, что говоришь? Близнецы должны быть похожи.

– Они эти, как их, двойняшки. Разные.

– Ты их обыскал?

– Денег при них нет, газового оборудования тоже, а на вид – придурки.

– Что говорят?

– Ехали мимо, услышали взрыв, приостановились, а потом решили смыться. Видели, как убегает человек в серой толстовке с капюшоном.

– Куда? К стройке?

– Нет в другую сторону. Грабитель побежал направо и свернул между домами.

– С этого и надо было начинать. Как он выглядел?

– Среднее телосложение, темные джинсы, рюкзак за спиной.

– Уже кое-что. Составь протокол, а я организую преследование. Потом объедешь травмопункты, грабитель мог пострадать от взрыва. Ты меня понял? Докладывай, если что.

Я с удивлением и затаенной гордостью наблюдал, как после команды Громова полицейские побежали в противоположную сторону от той, где прятался мой бывший ученик, ставший грабителем. А ведь это я его спас. Я продолжал нарушать законы, которые тупо соблюдал всю жизнь. Гонка – пустяк, я только что обманул полицейского и дал возможность уйти преступнику. И это сошло мне с рук!

Тягостные размышления о каверзных ударах судьбы долго не давали мне уснуть. Молодому раздолбаю удалось ускользнуть с украденными деньгами от десятка полицейских, а на мою законопослушную голову сыпется одно несчастье за другим. Почему мир так несправедлив? Я не нарушал законы, а он переступает через них. Да и братец туда же, слуга правопорядка готов пьяным садиться за руль ради собственной выгоды. Ему не столько нужно покарать преступников, сколько выслужиться. Каждый из них думает о себе, наплевав на общество и законы.

Я забылся только под утро, а когда очнулся, вдруг понял, что не обязан жить по прежним правилам. Моя жизнь висит на волоске. Я смертельно рискую, даже не выходя из дома. Сколько мне осталось? Я не уверен, что доживу до следующего года, тогда к чему осторожность и постепенность. Обычные мечты: через год мне прибавят зарплату, а через три повысят в должности, – вызывают слезы раздражения, а не затаенную радость. К чему планировать далекое будущее, если в любой момент может обрушиться черный занавес? Бац! Вот я есть – и вот меня нет. Страшно. Зато теперь я могу рисковать, ведь худшее со мной уже случилось.

Осознав свое безрадостное положение, я пришел к выводу, что должен действовать иначе.

Первым делом я перерыл не распакованные коробки в поисках старых компьютерных дисков. На однотипных зеркальных болванках сохранились размашистые пометки фло-мастером, смысл которых подзабылся. Не отрываясь от зав-трака, я вставлял один за другим диски в ноутбук и проверял их содержимое.

Катя суежилась у плиты, раскладывая что-то по баночкам и пакетам. Вдруг все стихло, ее руки опустились, она замерла в растерянности и запричитала:

– Ей же ничего нельзя есть, ничего. Юля... – Катя беспомощно опустилась на стул и заплакала.

Я посмотрел на собранные в больницу продукты и пред-ложил:

– Может, сок через трубочку?

– Нет, и сок нельзя, – сокрушенно замотала головой Катя и завyla, тихо и обреченно, обхватив голову руками.

– Успокойся, подумай о будущем малыше.

– Тебе легко советовать.

– Я тоже волнуюсь.

– Вижу, как же! Не можешь оторваться от компьютера, – неожиданно обозлилась жена. – Чего расселся? На работу опоздаешь.

– Я поеду с тобой в больницу.

– Сама доберусь. А ты лучше на работу. Вчера опоздал, сегодня тоже – так тебя и уволить могут.

Я потупил взор, допил чай и заторопился. Честное при-

знание о моем увольнении Катю сейчас доконает. Только не сегодня, я скажу ей об этом когда-нибудь потом. Сначала я должен попробовать осуществить свой новый замысел. Я сунул ноутбук в специальную сумку, туда же побросал диски и вызвал такси.

Вместо работы я поехал в тот район, где вчера ограбили банкомат. Вышел около «Макдональдса», там можно было подключиться к интернету и сидеть часами. На одном из дисков я нашел то, что искал – базу данных моих учеников в Доме научно-технического творчества молодежи. Помимо фамилий, на диске имелись адреса электронной почты, телефоны, фотографии, списки выполненных работ. Собственно, сама база данных также являлась примером успешной работы, реализованной учениками.

На одной из фотографий я увидел черные глаза-угольки и тут же узнал их: Федор Волков. Тогда ему было пятнадцать, сейчас двадцать пять, а во взгляде все то же – юношеский максимализм и ранимая самоуверенность.

Я выложил на стол обгоревшую тысячерублевую купюру, найденную вчера, украдкой сфотографировал ее и послал изображение на адрес электронной почты Волкова. Конечно, парень мог давно не пользоваться ею, но вчерашнее столкновение с бывшим учителем заставит его вспомнить прошлое.

И действительно ответ пришел довольно быстро.

«Спасибо. Спасли».

«Надо встретиться. Я жду», – ответил я.

«Вы где?»

«Догадайся».

Это был тест на общую сообразительность и уровень владения компьютером. На фотографию с купюрой попал уголок макдональдского подноса, а по IP-адресу можно было вычислить район.

Не прошло и часа, как к столику, за которым я устроился, подсел Федор Волков. С минуту мы внимательно изучали друг друга. Федор был насторожен, косил взглядом по сторонам, руки держал в карманах ветровки.

– Шумное местечко, – заметил он.

Я отстраненно предупредил:

– Слышал краем уха, что полиция ищет чудака в серой ветровке.

Волков снял куртку, подмял ее под себя, остался в футболке. Запястье его правой руки украшала витиеватая татуировка.

«Кто-то колется ради забавы, а у кого-то ВИЧ», – с досадой подумал я. Не удивлюсь, если он курит травку и неразборчив в связях с девчонками. Если бы сейчас провели опрос: кто из нас подхватил вирус, все указали бы на бесшабашного молодого парня. Но, к сожалению, добропорядочная семейная жизнь еще не гарантия от коварной болезни.

Недоверчивый взгляд бывшего ученика слегка оттаял.

– Я, типа, вам благодарен и все такое, Юрия Андреевич.

– Называй меня Доктор.

– Конспирация? Тогда я Лис.

– Твоя фамилия, вроде бы, навевает другое сравнение.

– Вы тоже на доктора не похожи.

Мы оба улыбнулись. Для меня это была первая улыбка с момента ночного вызова в больницу.

– Ну что ж, Лис, расскажи, чем занимался после школы? – поинтересовался я.

– А вы, случаем, не на полицию работаете? Человек в погонах вас по имени величал.

– Это мой брат. Он там служит.

– Брат? – отшатнулся Лис. – Я, пожалуй, потопаю.

– Сидеть! – Я остановил порыв Волкова. – Пойми главное, я не собираюсь ему помогать. Я теперь работаю только на себя.

Лис с минуту переваривал услышанное, затем расслабился и протянул мне руку.

– Коллеги. – После рукопожатия он вытянул шею в сторону стойки: – Я возьму пожрать, раз мы здесь.

Я наклонился к нему и предупредил:

– Только не вздумай обожженными купюрами расплачиваться. – В глазах Лиса мелькнуло удивление. Я пояснил: – Все торговые точки уже оповещены.

Лис вернулся к столику с гамбургером и кофе. Немного поел и стал рассказывать:

– Я поступил в технический универ на информационную безопасность. Два курса проучился, а потом надоело. На кой

терять время, если диплом можно купить?

– И что, купил?

– Потратился на бланк максимального качества, фиг отличишь от настоящего. Правда с работой... – Лис поморщился. – Ну, не для меня это, чтоб с утра до вечера торчать в офисе.

– С тех пор потрошишь банкоматы?

– Это последнее увлечение.

– И как, прибыльно?

– По-разному. Вчера килограмма четыре взял. Грохнуло сильно, пока деньги собирал, Апостолы смылись. Полиция быстро пожаловала, мне пришлось залечь неподалеку.

– Апостолы? – Я припомнил вчерашний разговор Громова по телефону и уточнил: – Двойняшки Носковы в белом фургоне – толстый и тонкий?

– Павел и Петр. В школе их Носками дразнили, а я придумал кличку Апостолы. С тех пор ко мне респект и уважуха. Вчера оттянули погоню на себя.

– Так было задумано?

– Случайно получилось, но удачно.

– Ты везунчик. – Я понизил голос, чтобы нас не услышали: – Но четыре килограмма обожженных купюр тебе не помогут. Попадешься на сбыте.

– Распихаю их обратно по банкоматам. Зачислю на свой счет и вас отблагодарю.

– Не выйдет. Поврежденную купюру банкомат не примет,

размер не совпадет.

В глазах Лиса вновь вспыхнуло подозрение:

– Доктор, вы зачем меня позвали? Мозги лечить?

– Предупредить. И кое-что предложить.

– Надеюсь, не явку с повинной?

– Апостолы действительно работают в автосервисе?

– Кем только они не работают. Мастера на все руки.

– У меня машина не заводится.

– Как раз по их части, – заверил Лис. – Куда подъехать?

Мне понравилась его готовность действовать немедленно.

Я сообщил адрес «Юпитер-банка», около которого оставил «пежо», и протянул ключи.

Лис усмехнулся:

– Ключи не обязательны, пусть сразу едут на место. – Он позвонил по телефону, рассказал про неработающий автомобиль и уточнил у меня: – Вам пригнать машину сюда?

– Было бы неплохо, – согласился я. – Ты настолько уверен в их возможностях?

– Они же Апостолы, – с иронией отозвался Лис. – Считайте это нашей благодарностью. За вчерашнее.

– Спасибо, но я не об этом хотел поговорить. – Я бросил взгляд по сторонам, как заговорщик, и перешел к главному вопросу: – Как тебе удастся отключить видеозапись?

– А что, менты пока не врубались?

– Теряются в догадках.

Лис приосанился:

– Моя собственная разработка, я назвал ее блокаут. Достаточно закрепить устройство в метре от камеры или провода – и никакой картинки.

Я припомнил, что Волков еще в юности ловко чинил любые компьютеры и электронные игры. К нему обращались даже преподаватели, пока мальчишка не стал требовать за ремонт немалые деньги. Ему по силам изобрести диковинку.

Я заинтересовался принципом работы устройства:

– Создаешь помехи видеосигналу?

– Это примитивный уровень. Я перехватываю сигнал и дальше могу отправить все, что угодно, хоть порнофильм.

– Представляю реакцию охранников. Ты мог бы прославиться.

– Пока я отправляю помехи, как никчемный балбес.

– Разумно, – согласился я и задумался.

Лис умен, расчетлив, в меру нагл, но действует топорно. Много шума при минимальном результате. Для изящного преступления ему не хватает специальных знаний о функционировании банкоматов. Зато я специалист в этом вопросе.

– Лис, я бы хотел проверить твой блокаут в деле.

Волков с подозрением прищурился:

– Доктор, ты к чему клонишь? Какое дело?

– Реальное отключение конкретного банкомата.

– Ха! И что дальше?

– Ты поможешь восстановить справедливость. Я заберу свое.

– Из банкомата? – Лис усмехнулся. – И как вы намерены его вскрыть?

– Это не проблема. Но на этот раз вместо помех надо отправить фотографию.

– Доктор, я в растерянности. Попахивает подставой.

– Твое дело отключить камеру. Остальное моя забота.

Лис откинулся на стул, по-новому рассматривая бывшего учителя и прикидывая, стоит ли ему доверять.

– И когда вы намерены это сделать? – поинтересовался он.

– У нас же есть время, пока Апостолы машину чинят.

– Прямо сейчас? – округлил глаза Лис.

– С некоторых пор я тороплюсь жить, – честно признался я.

– Тормоза придумал трус – так что ли? – подмигнул Лис. – Никогда б не подумал, что вы...

– Значит, согласен?

Волков свел брови, стал рассуждать:

– Блокаут у меня в машине, но надо найти подходящую точку, да и подготовиться не помешает.

– Этим я сейчас и займусь.

Воспользовавшись ноутбуком, я открыл сайт «Юпитер-банка» на странице с адресами банкоматов. Пришлось напрячь память и вспомнить график закладки наличных: какие именно банкоматы пополняют сегодня?

Я выделил подходящий адрес и развернул ноутбук к Волкову:

– Вот точка. Туда можно доехать минут за пятнадцать.

– Это и есть ваша подготовка? – усомнился Волков.

– Поверь мне там есть, что брать.

Лис посмотрел мне в глаза, увидел в них решимость и одобрительно кивнул:

– Я возьму кофе, по пути обсудим детали.

Машина, которой пользовался Лис, оказалась праворульной «субару» с помятым крылом и поцарапанной дверцей. Я скептически оценил ее непрезентабельный вид:

– У тебя же друзья автомеханики.

– Ходовая и движок в норме – полный привод, приемистая, а железо... – Лис скривился, – зато я не парюсь, когда приходится смываться. Садитесь.

Выбранный мной банкомат располагался при входе в мебельный магазин. Покупателей внутри практически не было. Лис мимоходом прилепил к стене красную коробочку, по виду напоминавшую кнопку пожарной сигнализации, и прошел в торговый зал. Там я его догнал, не решившись сразу вскрывать банкомат.

– Ты говорил, что устройство незаметно, – взволнованно зашептал я.

– Лучше всего спрятано то, что торчит на виду. – Лис меланхолично рассматривал диваны, переходя от одного к другому.

Я вынужден был согласиться. Однако красный цвет коробочки символизировал для меня красную черту, которую

предстояло перейти. За ней другая жизнь – стремительная и рискованная.

– Блокаут уже работает? – нервничал я.

– Коленки дрожат? Мы можем вернуться в машину.

– Да нет же, но... Там две камеры: одна под потолком, другая непосредственно в банкомате, снимает лицо. Я хочу быть уверенным...

– Вместо вас, Доктор, увидят другую морду, как просили.

Вспомнив про выбранную из интернета картинку, я внезапно успокоился. В конце концов, терять мне нечего. Болельщик освободила меня от многих условностей. Теперь я могу делать то, что считаю нужным, жить ярко, а не тлеть в ожидании старости. За дело!

Я вернулся к банкомату вставил сервисную карту, которую случайно прихватил с работы, ввел код доступа. На экране высветилось меню. Отлично, карта не заблокирована. Я выбрал операцию: инкассация. Щелкнул замок, я потянул тяжелую укрепленную дверцу, и банкомат открылся. Внутри я увидел пачки пятитысячных и тысячных купюр.

Никак не меньше полутора миллионов – быстро оценил я и потянулся за деньгами.

Большинство подчиненных предпочитают лишний раз не попадаться на глаза начальству, мало ли что, но Олег Голиков придерживался противоположного мнения. Он был убежден: чтобы получить повышение нужно быть на виду у начальства. А лучше – стать полезным боссу не только по работе, но и в жизни. Когда-то Олег расчетливо помог водителю Радкевича настроить новенький смартфон, подключил навигатор, учитывающий актуальные пробки. Водитель упомянул об этом боссу. И пошло-поехало: как техническая проблема – вызывают Голикова. Ведь современные гаджеты только тогда становятся незаменимыми помощниками, когда над ними поколдует знающий человек.

Неделю назад Олег стал свидетелем любопытного разговора. Он настраивал облачную связь между всеми электронными устройствами Радкевича, когда в кабинет банкира зашла расстроенная девица модельной внешности.

– Я в шоке, меня выкинули с обложки, – с обидой зашептала она. – Снимать будут другую. Мне обещали, а в последний момент кинули. Козлы!

– Оксана, не стоит волноваться по мелочам, – распахнул объятия навстречу девушке Радкевич.

Та отшвырнула его руки:

– Для тебя это мелочь, а для меня – вершина карьеры.

Прикинь, я всем подружкам рассказала, а какая-то сучка подсуежилась и...

Голиков тактично вышел, но уловил через неплотно прикрытую дверь суть перепалки. Оксане Брошиной, работавшей моделью, обещали съемку на обложку модного журнала «Elite style», но в последний момент ее заменили на другую девушку. Оксана пыталась использовать связи Радкевича, чтобы спасти ситуацию. Банкир кому-то звонил, узнавал, просил, но в итоге предложил ей журнал попроще. Любовница обиделась и выскочила из кабинета, как неуправляемая ракета.

Появившийся в дверях Борис Михайлович сокрушенно махнул рукой и указал Олегу:

– Куда она поперлась? Покажи ей, где выход.

Голиков догнал Оксану, вывел ее на улицу и силой усадил за столик ближайшего кафе. Общение с красоткой в людном месте льстило ему. Он не скупился на комплименты, проявлял сочувствие и соглашался, что юная выскочка, разрушившей мечты Оксаны, замухрышка по сравнению с ней.

Олег быстро понял, что ему выпал шанс, за который следует ухватиться. Высший пилотаж в отношениях с боссом – доказать, что ты умеешь решать щекотливые вопросы. Да и Оксана слишком хороша, чтобы не попытаться ей услужить в обмен на будущую благодарность. Олег клятвенно пообещал девушке что-нибудь придумать, если она потом проявит к нему благосклонность. С этим словами, он томно посмотрел

на нее и плавно сжал женскую коленку под столом. Оксана не скинула его руку. На этом они расстались. Воодушевленный Голиков заверил и Радкевича, что обязательно решит проблему. Банкир удивился, и туманно пообещал: «ну, если сделаешь...»

И Голиков придумал.

Сегодня он шел в кабинет директора, ощущая себя победителем. Формальным поводом служила производственная проблема: кто-то ловко обчистил банкомат. Но главную новость он скажет в конце разговора, ведь лучше всего запоминаются последние слова. Они формируют впечатление от встречи.

– Борис Михайлович, произошел неприятный инцидент, – мягко начал Голиков.

– В чем дело?

– Из нашего банкомата похищена сумма. Как назло, вскрыли тот, который сегодня загружен наличностью.

– Отследили, подонки. Сколько взяли?

– Тут начинаются странности. В банкомате недостает 393 тысячи 300 рублей. – Голиков положил на стол страницу с отчетом. – Остальные деньги не тронуты, а это около миллиона.

Радкевич с недоумением уставился на страницу с цифрами.

– Ты ничего не напутал? Как можно похитить такую сумму? У нас самые мелкие купюры по пятьсот рублей.

– Совершенно верно. Преступник оставил сдачу.

– Что? – Радкевич отшвырнул бумагу. – Ты хочешь сказать, что какой-то идиот, вскрыл банкомат и забрал меньше половины. Да еще оставил сдачу!

– Идиот на такое не способен, – покачал головой Голиков. – Дело в том, что следов взлома нет. И самое непонятное...

– Ну что еще?

– Мы посмотрели видеозапись. Кабель не поврежден, камера тоже, но вместо обычной картинки во время происшествия транслировалась фотография коня.

– Какого, на хрен, коня? – окончательно вышел из себя банкир.

– Вот.

Радкевич взял протянутый снимок. В его руке оказалась черно-белая фотография наподобие тех, что были представлены на стенах его кабинета. На ней – вставший на дыбы конь без узды и седла – животное, вырвавшееся на свободу.

Радкевич обожал красивых лошадей – и в натуре, и на снимках, – но на этот раз поморщился, словно увидел нечто непотребное. Он вспомнил последний разговор с Юрием Серовым. Уходя, тот сорвал одну из рамок, а на стол бросил листок с расчетом своей компенсации. Борис Михайлович порылся в бумагах и отыскал требование уволенного сотрудника. Сравнил с отчетом Голикова. Суммы на обеих страницах полностью совпали.

Банкир унял секундную вспышку ярости и, не без восхищения, процедил сквозь зубы:

– Пошел на принцип, уколол. – Он смял бумаги и выбросил в корзину. – Как вскрыли банкомат?

– Скорее всего сервисной картой. Кто-то подделал, а может украл. Надо проверить всех сотрудников, имеющих доступ...

– Ты еще не понял, кто это сделал? Твой бывший руководитель!

– Серов? – Мстительная искорка блеснула в глазах Голикова: – Мы сообщим в полицию.

– Чтобы там выяснили и твою вину?

– Я никогда против вас...

– Этого мало. Ты должен работать на опережение. Заблокируй все сервисные карты, изготвь новые, смени коды, пароли и все, что требуется, чтобы второй раз такого не случилось.

Зазвонил мобильник, лежавший на столе банкира. Радкевич и Голиков увидели на дисплее фотографию Оксаны. Радкевич нехотя взял телефон, качнул от себя ладонью, указывая Голикову на выход, и загнул в трубку:

– Я же сказал, киса, что сам буду звонить...

– Выходка не пришла и утвердили меня! – радостно перебила его Оксана Брошина. – Меня взяли на обложку “Elite style”. Спасибо, спасибо, спасибо!

Радкевич приосанился:

– Ну разумеется, ради тебя я всегда...

– Ты прелесть. Целую, обнимаю, и все, что захочешь!

– Вечером заеду, – слащаво пообещал банкир.

– Только не сегодня, котик. Сегодня я не могу, буду готовиться, завтра съемки.

– Тогда...

– Потом-потом, я позвоню. Целую!

Радкевич положил трубку и с интересом взглянул на застывшего у двери Голикова. Тот рискнул задержаться, зная какой новостью делится Оксана. Это было то самое заключительное впечатление, на которое он очень рассчитывал. Ему даже не пришлось сообщать приятную новость самому. Сейчас он выразительно посмотрит: мол, я же обещал, и скромно удалится.

– Постой. – Радкевич поманил пальцем Олега и, понизив голос, спросил: – У тебя получилось. Как? Я слышал, конкурентка куда-то исчезла.

– Важен результат. Не так ли? – смело заглянув в глаза боссу, ответил Голиков.

С минуту они смотрели друг на друга, словно пытались читать мысли, затем Радкевич поднял трубку рабочего телефона и позвонил в отдел кадров:

– Измените наше объявление о вакансии. Банку требуется не руководитель отдела информационной безопасности, а ведущий инженер. Руководитель у нас имеется – это Олег Голиков. Подготовьте приказ о его назначении, и мне на под-

пись.

Радкевич вопросительно посмотрел на подчиненного: мы квиты? Тот молча кивнул и откланялся.

Вернувшись на свое рабочее место, окрыленный успехом Олег набрал телефон Оксаны Брошиной.

– Привет, красотка. Я свою часть обещания выполнил. Когда встретимся?

– Какой торопыжка, – игриво ответила модель.

– Ты тоже не желала ждать другого номера журнала.

– Ну, хорошо, мы встретимся после того, как я увижу себя на обложке.

Мое сердце колотилось в такт частым шагам. Только не перейти на бег, чтобы не вызвать подозрений. Я спешил к спасительной машине Лиса, благоразумно оставленной подальше от банкомата. Обчистить банкомат оказалось не так уж и трудно. Главным было совладать с нервами, а остальное – дело техники. Современной техники в буквальном смысле этого слова. Хитроумный блокаут и сервисная карта с кодами доступа сделали свое дело.

К «субару» я и Лис подошли с разных сторон одновременно. Федор сел за руль, оставив на коленях красную коробочку блокаута. Я плюхнулся рядом.

– Я что-то не въезжаю, Доктор, сегодня день благотворительности? – вращал глазами Федор, не скрывая осуждения. – Вы же могли взять больше!

– Я взял то, что принадлежит мне.

– Там остался миллион!

– Валим отсюда.

Лис ругнулся, газанул и несколько минут вел машину молча. Потом недовольно спросил:

– И куда теперь?

– Остановись, мы достаточно отъехали. – Я отсчитал половину вырученных денег и протянул Лису: – Вот твоя доля.

– Спасибо, благодетель. – Лис сунул деньги в карман,

убрал блокаут в бардачок. – А конь на фото, это ваш фирменный знак? Типа черной кошки?

– Послание ценителю лошадей. Пусть любит.

– Не спалитесь?

– Тебя не заложу.

– Тогда погнали к следующему банкомату, пока сервисную карту не заблокировали, – предложил Лис.

– Хватит.

– А я думал, мы теперь типа компаньоны, вместе решаем.

– Мыслишь в правильном направлении. Готов потратить заработанные деньги на совместный бизнес?

– Какой к черту бизнес?

– Для начала надо арендовать подвальное помещение с двумя выходами. Закупить типографское оборудование для печати визиток и открыток. Номенклатуру я тебе сейчас скину на почту.

Я послал с телефона файл, подготовленный утром в «Макдональдсе». Лис открыл таблицу в своем смартфоне и начал читать, не скрывая скепсис:

– Компьютер, цветной лазерный принтер, бумага, краски... Вы с ума сошли, Доктор. Хотите сколотить состояние на печати открыток?

– А почему бы и нет. – Я выждал паузу и пояснил: – Если это будут особые открытки, напоминающие денежные знаки.

Лис отшатнулся:

– Напечатать фуфло и впаривать теткам на рынках? Во

всех приличных местах купюры проверяются.

– Ты прав, у современной банкноты около двадцати степеней защиты. – Я продемонстрировал пяти тысячную купюру, поворачивая и сгибая ее. – Самое сложное – специальная бумага. Каждый знает ее на ощупь: плотная, хрустящая, пальцы прощупывают рельеф. В состав бумаги входит чистый хлопок. А еще здесь водяные знаки, микропечать, магнитная полоса, специальная краска, меняющая цвет при различных углах наклона.

– Мне лекцию читать незачем, и так понятно, что хрен подделаешь.

– Подделать точь-в-точь невозможно, – согласился я.

– Вот и я про это. Одну-две бумажки сбудем, и нас заметут.

– Ты не дослушал. Степеней защиты много, но банкомат проверяет лишь четыре-пять из них, а платежные терминалы и того меньше. И я знаю, какие именно.

– Пусть так, но пять степеней защиты тоже не мало. А с помощью офисной техники, – Лис сморщился, демонстрируя экран смартфона со списком оборудования, – мы напечатать разве что красивую картинку.

– Опять не дослушал.

– Вещайте уже.

– У тебя есть обожженные купюры. Настоящие. С нужными нам элементами защиты. – Я говорил с паузами, давая собеседнику возможность проникнуться моей идеей. – Из каж-

дой можно сделать в десять раз больше. Для банкомата достаточно части магнитной полосы. Понимаешь?

– Из одной купюры сделать несколько? – стало доходить до Лиса.

– Спец бумага и спец краски нам не потребуются. Будем использовать фрагменты настоящих купюр.

– Мысль интересная, я готов попробовать. Только сегодняшней нашей добычи не хватит на закупку техники.

– Придется добавить. Поехали.

Я показал дорогу и попросил остановиться напротив крупного отделения Сбербанка.

– Нашли место. – Бегающие глазки Лиса изучили обстановку. – Тут народу полно, отключение камеры ничего не даст. Спалимся.

– Сейчас проверим. Сиди и жди. – Я решительно вышел из машины.

– А блокаут? – сдавленно крикнул Лис, но я не стал возвращаться и смело направился в банк.

Уверен, что следующие четверть часа Федя Волков сидел, как на иголках, подумывая: с кем он связался, не смыться ли? У него наверняка появлялись мысли, что я свихнулся, почувствовал себя неуязвимым, сейчас меня заметут, и я сдам его. В общем, я был благодарен Федору, когда, выйдя из банка, увидел потрепанную «субару» на прежнем месте. Нервы у парня крепкие, с ним можно работать.

Лис с недоверием вглядывался в мое холодное лицо. Я сел

в машину и протянул ему пачку купюр:

– А вот и недостающая сумма.

– Как? – Он выпучил глаза.

– У меня банковский вклад. Снял свои деньги.

– Нельзя было сразу сказать? – огрызнулся мой напарник.

Лис приоткрыл дверцу, наклонился и достал из-под колеса блокаут. – Планировал раздавить, если что.

Его осторожность и предусмотрительность мне тоже понравилась. Это необходимые качества для моих планов. Я перешел к делу, говорил конкретно, как о хорошо обдуманном и давно решенном:

– Мы начинаем совместный бизнес, доля каждого: пятьдесят на пятьдесят. Наш стартовый капитал формируется из наличных денег и интеллектуальной собственности. Я вношу эти деньги, ты – обгоревшие купюры. Я – свои знания о банкнотах и банкоматах, ты – свою разработку блокаут. И самое важное. Наш бизнес будет тайным, поэтому никаких письменных договоренностей и никакой болтовни. По рукам?

– Типа честное купеческое? Ну ладно.

Мы с Лисом пожали друг другу руки. Я передал ему деньги. Он взвесил пачку в руке и спросил:

– Когда начинаем?

– Ты же слышал, я тороплюсь жить. Ищи помещение, закупай оборудование. Начни прямо сегодня.

– Я думал, сегодня мы того, отметим наши договоренно-

сти.

Я зыркнул на Лиса так, что тот поднял руки в знак покорности, изумляясь моему нетерпению.

– Юрий Андреевич, а что вы делали до сорока лет?

– Плыл по течению, пока не закрутило в водоворот. Теперь решил пересесть на моторку, чтобы рулить, куда вздумается.

– Прикольно.

– И не забывай, Федор, отныне я Доктор, а ты Лис.

Он не успел ответить, вытащив зазвонивший телефон. Слушал, кивая и поддакивая, затем прижал трубку к плечу и обратился ко мне:

– Ваш «пежо» починили, пригнали к «Макдональдсу». Хотите лично поблагодарить Апостолов?

– Меня им видеть не стоит. Передай благодарность, и пусть уезжают.

– От кого благодарность?

– От Доктора.

Я постепенно привыкал к новому имени.

Я взял вилку, моя рука зависла над миской с салатом. Обычно мы с Катей ели салат из общей посуды, но сейчас я считал это невозможным. Разумеется, я прочитал брошюру про жизнь с ВИЧ, где утверждалось, что через еду вирус не передается, но это в теории, а вдруг... Ведь речь идет о самом близком мне человеке, любимой женщине, вынашивающей моего сына. Нам сообщили пол ребенка, и я упрекал себя лишь в одном, что мы не позаботились об увеличении семьи лет на десять пораньше. Если, не дай бог, я заражу Катьку, то и будущего малыша ждет та же участь. Нет, что угодно, только не это.

Я отложил салат к себе на тарелку. Заранее придумал, если жена спросит, скажу, что простудился, опасаясь гриппа. Но Катя не обратила внимания на мою щепетильность. Она быстро поужинала и продолжила озабоченно тыкать пальцем в планшет, выискивая что-то в интернете.

– Мало, – выдавила она, опустила планшет и перенесла грязные тарелки в раковину.

Зажурчала вода, послышались ожесточенный скребок щетки и звон посуды. Я скосил взгляд и увидел на экране планшета калькулятор.

– Что ты считаешь? – попытался понять я.

Катя откликнулась охотно. Чувствовалось, что проблема,

над которой она размышляет, целиком овладела ею.

– У нас на счету есть сбережения для ремонта мансарды.

– Пока обойдемся без ремонта, – отрезал я, потупив взгляд. Катя еще не в курсе, что наш счет пуст. Если я расскажу на что планирую потратить деньги, она ужаснется.

– Юля должна лечиться в Германии. Денег на счету недостаточно, но если продать «вольво»... Я посмотрела объявления. Машина новая, пробег маленький, мы можно выручить...

– О чем ты? Машина в залоге, все деньги заберет банк.

Она растерялась, а потом предложила:

– А если как-то обмануть банк?

Жена выключила воду и вернулась к столу. На ней был растянутый спортивный костюм, который я помнил много лет. А ведь могла бы купить специальное платье для беременных. Мне стало стыдно, что из-за наших долгов она экономит на одежде. Я тронул ее за руку.

– Обмануть банк не получится. Мы не сможем продать машину без их согласия.

– А дом?

– Тем более. На свидетельстве о собственности наложено обременение. Мы же мечтали об этом доме.

– Попробуй договориться с банком.

– Я не могу вечно просить.

Катя взглянула на меня так, будто я только что отказал в лечении дочери. Она возмутилась:

– Надо же что-то делать. Я места себе не нахожу, думаю, как выкрутиться, как спасти Юлю, а ты...

– Я тоже ломаю голову.

– Попроси зарплату вперед. Или льготный кредит. – Катя по-женски сменила гнев на милость, обняла меня сзади, прижалась щекой к виску. – Ты давно работаешь в банке, тебя там ценят, объясни ситуацию, тебе пойдут навстречу.

– Еще один кредит. – Я помрачнел, не знаю, что сказать. – Мне не дадут. Я и так задолжал банку на двадцать лет вперед.

– Речь идет о нашей дочери. Я готова пойти с тобой, буду умолять. Это ваш Радкевич, он не человек что ли?

Я вывернулся из женских объятий и чуть не признался, как этот добренький человек выгнал меня с работы без выходного пособия. В последний момент я сдержался, потушился и пообещал:

– Я заработаю, вот увидишь.

– Когда? Юля не может ждать.

– Я буду действовать быстро.

Мой вид не внушал оптимизма, и Катя не сдержала упрек:

– Заработаешь, как же! Пока что ты только тратишь. Сегодня опять ремонтировал «пежо»?

– Мне это сделали по дружбе, – с вызовом ответил я.

– В долг?

Я вдруг осознал, что с сегодняшнего дня у меня совершенно новый круг друзей, которые ничем не похожи на прежних коллег. По сути я ввязался в рискованную авантюру

с малознакомыми персонажами. У них ни имени, ни отчества, только клички: Лис, Апостолы. Да и я теперь не Юрий Андреевич Серов, а абстрактный Доктор.

Отгоняя неприятные мысли, я встал из-за стола и включил чайник:

– Давай пить чай. Где моя кружка?

– Бери любую.

Я всегда брал первую подвернувшуюся кружку из комплекта одинаковых, но сейчас решил настоять:

– Мне Громы на Новый год дарили, помнишь? Они из Египта привезли.

– Где-то стоит. Потом найду.

– Я хочу сейчас.

Жена с укором посмотрела на меня: какой мелочный.

– Кажется убрали наверх, она должна быть в подарочной коробке.

Я отыскал подарок и пил чай из новой кружки. Теперь я так буду делать всегда. Это только моя кружка, ее невозможно перепутать с остальными, к тому же она слишком большая для Кати. Эта мысль меня успокоила.

Перед сном я придирчиво осмотрел ванную комнату. У нас общий унитаз, душ, раковина, хорошо хоть полотенца разные. Я потянулся за зубной щеткой. Три похожие щетки в одном стакане, отличающиеся только оттенками цвета. Так нельзя, это опасно! Моя синяя, ее голубая, Катя может перепутать. Десны порой кровоточат, и тогда может случиться

непоправимое.

Я плеснул в лицо холодной водой. Надо поставить второй стакан и держать свою щетку отдельно, но тогда не избежать вопросов. Насколько же изменилась моя жизнь, проклятый вирус вмешивается в любую мелочь.

Я почистил зубы и сломал щетку. Завтра я куплю новую, выберу какую-нибудь особенную, совершенно не похожую на остальные.

Я уткнулся в ноутбук и постарался лечь позже, в надежде, что Катя уже заснула. Но она не спала, ее мучила все та же проблема. Жена устроила голову на моем плече и прильнула большим теплым животом. Я обнял ее, между нашими сердцами билось сердечко будущего младенца.

– Юра, ты точно найдешь деньги? – очень серьезно спросила Катя.

– Конечно, – заверил я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Тянуть нельзя.

– Я сделаю, как можно быстрее.

– На лечение надо много.

– Не беспокойся, на дом же я нашел.

Жена благодарно чмокнула меня в щеку.

– Если ты хочешь, если тебе нужно... – Катя повернулась спиной, поджала ноги, коснувшись меня ягодицами. – Только осторожней.

Я отпрянул. Меня охватил ужас, я думал о кошмарах, ко-

которые происходят внутри моего тела. Невидимые вредоносные вирусы бродят по моему организму, и я не в силах с ними бороться. Я ходячий мешок с вирусами, прямая опасность для жены и будущего малыша. Черт со мной, я достаточно пожил на этом свете, но еще не родившийся малыш не должен пострадать. На какую жизнь я его обреку, если, не дай бог...

Нет, с сегодняшнего дня никакого секса. Лучше вообще спать отдельно или хотя бы под разными одеялами, но тогда придется признаться, что я заразен. Какими словами? Как объяснить это Кате? Что она подумает? Как правда скажется на ее состоянии? Ее нервы и так на пределе из-за дочери, а если я заявлю об ужасной болезни...

Ух! Это добьет ее. Лучше подождать. Надо решить хотя бы одну проблему. Я должен найти деньги на лечение Юли. И я пойду на что угодно, лишь бы спасти дочь.

— Пора спать, — сказал я, инстинктивно отодвинувшись от жены.

Я подъехал по указанному адресу и осмотрелся, не выходя из машины. Говорят, излишняя осторожность приводит к паранойе, но это меньшее из зол, что мне грозит. Я мысленно фиксировал увиденное и делал выводы.

На первом этаже в пристройке к многоквартирному дому располагается продуктовый магазин. Дом типа башни, его легко обойти с любой стороны. Далее по улице виднеется оживленная остановка общественного транспорта и выход из метро, туда тянутся жители близлежащих домов. Типичный московский жилой массив, разрезанный пополам широким шоссе. Место многолюдное, все куда-то спешат, никто ни на кого не обращает внимания. Для тайной лаборатории неплохой выбор. Вот только следует приучить Лиса парковать помятую «субару» не рядом с магазином, а в отдалении, и всякий раз на новом месте, чтобы машина не примелькалась.

Как было условлено по телефону, я нашел Лиса внутри магазина около стеллажей с вином. Он лениво рассматривал бутылки. Я пристроился рядом, словно случайный покупатель.

– Привет, Доктор, – шепнул Лис, не глядя на меня. – Наш офис у нас под ногами, вход в подвал сзади дома.

– Оборудование завез, ничего не упустил? – сухо спросил я.

Лис, ждавший похвалы, воспринял мои слова как упрек. Он насупился:

– Я двое суток мотался, сначала помещение искал, потом оборудование. Пришлось и мебель покупать, там ничего не было.

– Спускайся первым. Дверь не запирай, – приказал я и переместился в другой отдел.

Лис вышел. Я бросил в корзинку растворимый кофе, овсяное печенье, сахар и направился к кассе. В душе щекотало приятное чувство обновления: я всю жизнь был винтиком большой структуры, наподобие кассирши, пробившей мне чек, а теперь я сам себе хозяин. Исполнительный гражданин Серов превратился в непреклонного Доктора, серость осталась в прошлом, а в будущем, как в пословице, – или грудь в крестах, или голова в кустах. Что ни говорите, а смена имени меняет мировоззрение – чувствую по себе.

Однако благодушное настроение тут же испарилась, едва я обследовал подвальное помещение.

– А где запасной выход? Я же предупредил, мы не в игрушки собираемся играть.

– Это лучшее, что я нашел. Вы дали всего два дня, попробуйте сами, – возмутился Лис.

Кажется, я перегибаю палку, парень действительно многое успел. Хвалить его пока рано, но и ругаться по пустякам нам не стоит.

– Ладно, потом что-нибудь придумаем. А сейчас, – Я оки-

нул взглядом нераспакованные коробки: – Сегодня у нас много работы.

Спустя три часа мебель была собрана, а оборудование, материалы и химикаты расставлены в нужном порядке. Лис вытер испарину на лбу и с облегчением откинулся на пружинящую спинку офисного кресла. Я сполоснул руки и вспомнил о комфорте.

– Ты забыл заказать кулер с водой, а также туалетную бумагу и салфетки.

– Их в списке не было. У нас тут что...

– Малое предприятие по производству открыток, – прервал я возмущение напарника. – Мы здесь надолго. Сгоняй в магазин за чайником, а я займусь делом.

– Вы, значит, делом, а я – на побегушках.

Обидчивый парень, убедился я, все-таки стоит его похвалить.

– Твой вклад в наше предприятие огромен – помещение, оборудование, а главное это.

Я выбрал одну из обожженных пятитысячных купюр и стал кромсать ее ножницами. Видя, что Лис не уходит, я поднял взгляд и попытался говорить мягко:

– Мы заслужили кофе. Для этого нужен чайник и кружки.

Лис поджал губы и вышел. Оставшись один, я достал таблетки и запил их водой из-под крана.

Вчера я посетил окружной СПИД-центр. Там меня включили в списки на бесплатный индийский дженерик, который

надо принимать по двенадцать таблеток в день. Замотанный врач-инфекционист монотонным голосом предупредил о побочных эффектах: тошнота, головокружение, пониженный гемоглобин, повышенная температура. Пообещал подобрать терапию из трех подобных препаратов.

Я пришел в ужас от унижительной очереди таких же несчастных, как я, от предстоящего лечения методом проб и ошибок. Еще раз убедился, бывают врачи от бога, а бывают – не дай бог. Я вернулся к Гелашвили и взмолился – помогите. К счастью, Давид Шотаевич согласился. Он просветил, что существуют эффективные препараты, которые употребляют по одной таблетке в день вместо двенадцати, но стоят они недешево. И все равно нужен комплекс.

Опять все сводится к деньгам, будь они прокляты! Семь бед – один ответ, добуду. Теперь в моих карманах три упаковки лекарств, которые я прячу от жены. Противные таблетки вновь напомнили мне о неизлечимой болезни, заставили вслушиваться в собственный организм в поисках смертельных симптомов и надолго испортили настроение.

– Что-то не получается? – спросил вернувшийся Лис, заметив мою кислую физиономию.

– Получится. – Я склонился над приборами, попросив парника согреть чайник.

Для непоседливого Лиса время в подвале тянулось медленно. Кофе был выпит, чайник успел остыть, он маялся, наблюдая за моей работой. Мне некогда было объяснять, я

был увлечен созданием новой технологии и шаг за шагом приближался к цели. К компьютеру, за которым я сидел, были подсоединены несколько устройств, из открытых бутылей пахло химикатами. Периодически из принтера выползал лист с картинками, я изучал их, правил, подклеивал, капал раствором, пропускал через пресс теплых валиков и отправлял на повторную печать.

– Скоро? – поинтересовался Лис, пнув пустую коробку, валявшуюся на полу.

– Мусор вынеси, – предложил я. – И не поленись разбросать по разным помойкам.

Лис что-то проворчал и стал собирать разорванные упаковки. Когда он вернулся, я держал пинцетом бумажку, похожую на купюру, оценивая результат.

– Ух ты! Получилось? – Лис подхватил купюру, стал ее рассматривать. Его лицо скривилось от недоумения. – Доктор, вы ошиблись. Опечатка. – И он прочел вслух: – Пять тысяч бублей.

– Я сделал то, что хотел, – заверил я, размял затекшую шею и плечи, откинулся на спинку кресла. – Запомни, мы не фальшивомонетки, мы печатаем сувенирные деньги – бубли.

– И что нам делать с этими фантиками? За версту видно, что подделка.

– Мобильный на твое имя?

– Я не идиот.

– Тогда сходи к банкомату и пополни счет. Только не прямо над нашей головой, прогуляйся к метро.

– И вы думаете, что банкомат не врубится? – усомнился Лис.

Меня утомили долгие часы работы в подвале и не было сил объяснять технические детали. Я вскочил, нервно стуча по своей голове пальцем:

– У банкомата нет мозгов, а у меня есть. Вот здесь серое вещество с извилинами, которое двадцать лет готовилось к этому. Да, перед тобой фантик. Так задумано! Но я обманываю не тебя, а тупой банкомат. У бронированной железяки не мозги, а датчики, которые проверяют некоторые признаки. И эти признаки я воспроизвел там, где надо!

Я выдохнул и сел. После паузы Лис осторожно спросил:

– Я пойду?

– Ступай, – устало кивнул я, стыдясь срыва.

Оставшись один, я погрузился в сомнения. Все ли я учел? Качественно ли сделал? Да, я разбираюсь в нюансах работы банковских программ, хорошо знаю признаки подлинности купюр, которые проверяют банкоматы. Я создал бумажку, которая содержит элементы настоящей банкноты, и купюроприемник должен определить ее, как нормальные деньги. Но одно дело теория, а другое практика. Это мой первый опыт. Как завершится реальное испытание?

Напарника долго не было. Мучительно долго. Когда наконец дверь открылась, и Лис ввалился в подвал, я не стал

поднимать голову. Мне не хотелось гадать по выражению лица, сердце и так терзалось в сомнениях. Я ждал слов. Приговор или похвала? Победа или провал? Я удачно вложил последние семейные сбережения или потратил их на безумную авантюру? Я кретин или...

– Доктор, вы гений! – налетел на меня Лис, хлопая по плечу и дыша парами алкоголя. – Тупая машина заглотила бумажку, как миленькую. И мне на счет шлеп! – пять тысяч рубликов, а не бубликов.

Федор показал смартфон с подтверждающим сообщением. Я отвел его руку, встал и распрямил плечи. На душе стало легче. Он назвал меня гением. Еще одно прозвище в моей серой жизни. Сознаюсь, приятно. Но только об этом никто не должен знать – я серый гений подпольного мира.

Я обвел взглядом неуютный подвал с давно не мытым полом, обветшавшими стенами и тусклыми лампочками под потолком. Теперь это моя лаборатория. Это мой шанс обеспечить семью, прежде чем я покину их навсегда. А срок, когда наступит финал, мне неведом. Возможно, у меня считанные недели. Поэтому я должен спешить.

– Ты выпил? – Я встряхнул молодого напарника.

– Ну да, надо же отметить. Я в магазин заскочил, взял текилу.

Лис выставил на стол уже открытую бутылку, небрежно сдвинув монитор и принтер. Такое обращение с новой техникой меня покорило.

– Бутылку убери, – потребовал я. – Здесь, в лаборатории, мы пить не будем.

– Я хотел вас поздравить. Такое дело – фантастика! Я до последнего не верил.

– Наша работа только начинается. – Я выдвинул ящик стола, где лежала пачка свежееотпечатанных купюр. – Вот сто купюр по пять тысяч бублей. Пятьсот тысяч. Надо их сбыть.

– На счет телефона?

Я покачал головой:

– Мы не на сотовые компании работаем. – И добавил: – Один ты не справишься, нам нужны помощники.

– А вы?

– Я отвечаю за производство, ты за сбыт.

– Расклад ясен. Я могу задействовать двойняшек.

– Апостолы не подведут? – спросил я, поняв о ком идет речь.

– Я с ними и не такие дела проворачивал. Как-то мы банкомат утащили.

– И не разу не попались?

– На банкоматах нет. Их привлекали в связи с кражами в автосервисе, но братья выпутались.

– Тертые калачи. Как они выглядят?

Лис показал мне фотографии в телефоне:

– Пашка толстый, Петр высокий.

Я рассмотрел братьев-двойняшек, стараясь запомнить. Затем стер файлы с изображением и очистил «корзину».

– Какого черта? – возмутился Федор бесцеремонным обращением с его смартфоном.

– И меня не вздумай фотографировать. Мы не в игрушки играем. – Я вернул телефон. – Обо мне им знать незачем. Только имя: Доктор – и все.

– Как скажете, – смирился Лис. – А с бублями что делать?

– Будем действовать так. Пусть Апостолы возьмут кредиты на пятьсот тысяч.

– Какие кредиты?

– Потребительские, под любые проценты, но с правом досрочного погашения. И погасят их через платежные терминалы «Юпитер-оплата» нашими бублями.

– Только через «Юпитер»? Ведь много разных терминалов.

– Я знаю, как они функционируют. На них есть наклейки «комиссия 0 %». Догадайся, почему?

– Для привлечения клиентов.

– Для привлечения бабла. Терминалы используют для облички. Сам подумай, что заработает оператор, если получает ноль. Он собирает нал и обменивает деньги на безнал за очень хороший процент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.